

Международный электронный научный журнал
International Electronic Scientific Journal

Язык и текст
2015. Т. 2. № 2

Language and Text
2015. Vol. 2, no. 2

Московский городской психолого_педагогический университет
Moscow State University of Psychology & Education

Содержание

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Модальность наклонения в типологическом аспекте <i>Э.Н. Алиева</i>	3
Типология исторического дискурса <i>А.П. Миньяр-Белоручева</i>	8

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

О единицах бытового и художественного диалога <i>В.А. Садикова</i>	17
Внутритекстовое выражение образа автора в «Диариуше» Афанасия Брестского <i>Л.А. Силина</i>	25
Обзор Жития преподобной Евфросинии Полоцкой по материалам Волоколамского сборника № 632 <i>Г. Слуцкий</i>	30

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Методика изучения и интерпретации медиатекстов в контексте обучения РКИ <i>И.В. Цыкунов</i>	36
--	----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Средневековые погребальные памятники Верхней Волги в работах А.А. Спицына <i>Е.Н. Жукова</i>	44
Cultural and Political Trend in China by Analysing its Words of the Year from 2013 to 2014 <i>YUE Yang</i>	52

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Дорогу осилит идущий: Первый Всеармейский фестиваль инновационных научных идей «Старт в науку» на базе Пансиона воспитанниц МО РФ <i>Э.Н. Алиева, И.В. Дергачева</i>	58
На рубеже воинской славы <i>И.В. Дергачева, О.Н. Никанорова, Л.А. Силина</i>	64

Модальность наклонения в типологическом аспекте

Алиева Э.Н.

Доктор филологических наук, профессор, кафедра «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, lingvamiep@mail.ru

Развитие лингвистической науки – непрерывный поступательный процесс. Накапливается новый материал, возникают новые идеи, уточняются и пересматриваются прежние оценки и концепции. Это делает необходимым создание обобщающих работ, целью которых являются подведение итогов научных исследований, суммирование достижений, рассмотрение нового материала и переоценка ранее известного. Значительное усовершенствование за прошедшие годы методики исследования в языкознании делает возможным сопоставительное и универсально-типологическое изучение языков самого различного строя, в том числе генетически и типологически далёких.

Ключевые слова: генетически и типологически далёкие языки, методики исследования, сопоставительное языкознание, универсально-типологическое изучение языков.

Для цитаты:

Алиева Э.Н. Учет Модальность наклонения в типологическом аспекте [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Alieva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020201

For citation:

Alieva E.N. The category of mood in typological aspect [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [*Language and Text langpsy.ru*], 2015, vol. 2, no.2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Alieva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020201

Каждый язык прошёл свой путь развития и занял определенное место в своём социуме. Среди тысяч языков нашей цивилизации нет двух совершенно одинаковых. Уникальность строения языков свидетельствует о разнообразии их судеб. Существуют так называемые мировые языки, широко используемые в международном и межэтническом общении, и есть языки, на которых говорят и пишут лишь несколько сот человек в одном-единственном ауле.

Однако при всей своеобразии языков мира и их историй существуют общие закономерности, присущие любому из них. Степень распространённости тех или иных типологических закономерностей и приводит к открытию новых лингвистических универсалий. К универсалиям относится и, например, категория модальности, которая теми или иными способами находит выражение во всех известных языках.

На наш взгляд, исследования, в которых универсальная категория рассматривается в сопоставлении генетически и типологически разных языков, вызывают особый интерес, поскольку подобного плана работы могут дать богатый материал и более точные типологические представления, способствующие созданию масштабных картин эволюции языков, так как данные типологии являются одним из надежных источников верификации сравнительно-исторических реконструкций. С другой стороны, целесообразность таких многоплановых работ объясняется и тем, что в исследованиях по истории языков многие

предположения выдвигаются и проверяются с учетом типологического правдоподобия гипотезы. Типологические факты и аргументы часто оказываются решающим доводом в пользу конкретной этимологии или реконструкции. Таким образом, значение лингвистической типологии для компаративистики состоит в возрастании теоретической оснащенности исследований, иначе говоря – совершенствуется методология исторического языкознания.

Наблюдение проявлений универсальной категории на материале языков различного строя позволяет также расширить и углубить лингвистические представления об этой категории в целом.

Решению этих задач в большей степени отвечают приёмы контрастивного языкознания. В традиционной трактовке этот метод определяется как имеющий «дело с попарным сопоставлением языковых систем (структур) на всех уровнях вне зависимости от генетической и типологической принадлежности сопоставляемых языков с целью выявления их структурных и функциональных особенностей, сходств и различий (контрастов)» [3]. Такие исследования подчинены по преимуществу задачам прикладного характера – разработки стратегии обучения какому-либо из сравниваемых языков, теории перевода и др. При решении этих задач равноценными являются и сходства, и различия между языками. К.Р. Керимов, например, при сопоставлении категории аспектуальности в русском и лезгинском языках делает акцент на способности контрастивного метода выявлять различия (контрасты) и предпочтение отдаёт термину контрастивный [4]. Это объясняется тем, что понимание категории вида часто ограничивается его специфическими особенностями в русском языке, и именно выявление различий позволило показать наличие категории вида иного типа в лезгинском языке. Обнаружение наиболее важных различий в языках считают задачей контрастивной лингвистики многие ученые [1]. Положение об эффективности контрастивного метода, своего рода обозрения языка «снаружи», которое позволяет отчётливо видеть черты своеобразия, остающиеся вне поля зрения при его изучении «изнутри» [2], является в настоящее время общепризнанным. На наш взгляд, он позволяет глубже проникнуть в системы каждого из сравниваемых языков в целях их теоретического описания, а также получения данных общелингвистической значимости.

Обозрение языка «снаружи» проводится в сопоставительных исследованиях с применением двух подходов: либо рассматривают набор сходных форм в языках и затем определяют выражаемые ими значения («от формы к значению»), либо берут какую-либо категорию и выясняют формы её передачи в языках («от содержания к форме») [3]. Это обеспечивает изучение как структурных, так и смысловых черт сравниваемых языков, способствуя выявлению их специфических особенностей. При этом анализ осуществляется на основе явлений, существующих в сравниваемых языках.

Возьмем, к примеру, универсальную категорию наклонения в русском, английском и лезгинском языках. Как категория морфологическая, наклонение представлено во всех трех сопоставляемых языках неодинаковым набором форм, грамматические значения каждой из которых в этих языках также не всегда совпадают. В частности, сопоставительное изучение наклонений в рассматриваемых языках позволяет предполагать, что лезгинский язык располагает более детальным набором форм наклонения, чем в русском и английском языках. При этом система и русского, и английского, и лезгинского языков отражает двухступенчатый характер средств выражения категории наклонения: реальному наклонению (изъявительному), выражаемому посредством временных аффиксов (суффиксов, личных окончаний и вспомогательных глаголов, различных форм настоящего, прошедшего или будущего времени), противопоставлены ирреальные наклонения (повелительное, сослагательное и др.), каждое из которых выражается специализированными

морфологическими средствами. Таким образом, наклонение является грамматическим значением глагольной формы, характеризующим устанавливаемое автором (говорящим) отношение действия (состояния) к действительности [3].

Выполнение соответствующего анализа на материале трех языков обусловлено рядом причин. Поскольку русский и лезгинский языки, как известно, по типологической системе относятся к синтетическим языкам, а английский язык — к аналитическим, то контекстуально-обусловленные формы их реализации не всегда достаточно адекватно могут быть переведены на противоположный язык. Тем не менее реально допустимы синонимичные варианты, то есть на каждый случай контекстного употребления того или иного наклонения в русском языке можно найти соответствия в английском и лезгинском языках. Подобный анализ способствует выявлению не только универсальных типологических экспликаторов модальных значений, но и идеоэтнических (национально-специфических) особенностей языковой картины мира.

Особенно много спорных вопросов наблюдается в попытках охарактеризовать различные проявления ирреальной модальности — так, даже сами границы ирреальной модальности с точки зрения современной науки представляются расплывчатыми. До сих пор не выработано четкой системы критериев, регламентирующих участие тех или иных языковых средств в формировании ирреальных модальных языковых значений. Таким образом, исследование явления ирреальной модальности, как наименее разработанного, является актуальным и насущным.

Важным методологическим принципом при исследовании категории наклонения является учет неразрывной связи формы и значения. Несоблюдение этого принципа приводило к тому, что при классификации форм категории наклонения основным критерием были особенности образования форм независимо от передаваемых ими значений, или, наоборот, в исследовании, основывающемся на критерии значения, не учитывались различия формообразования. Отсюда и расхождения во мнениях по поводу сущности категории наклонения, объема значений, объединяемых этим понятием, и форм.

В связи с этим необходимо определить, в каких случаях форма глагола квалифицируется как самостоятельное наклонение. Исходя из принципа противопоставления по линии модальности, различий в формообразовании и синтаксическом употреблении, мы считаем, что в случае, когда отношение сообщаемого факта к реальности, с точки зрения говорящего, выражается морфологической оппозицией, есть все основания рассматривать форму глагола как самостоятельное наклонение.

Сложившееся в русском и английском языкознании рассмотрение модальности как функционально-семантической категории, выражаемой морфологическими, синтаксическими, лексическими, интонационными средствами, создает условия для ее сопоставления с категорией модальности лезгинского языка с опорой на элементы содержательного плана. Модальные значения, выражаемые формой глагола в одном из сопоставляемых языков, в другом могут быть оформлены иным способом. Семантическое же содержание категории модальности в сопоставляемых языках мы не склонны дифференцировать: эта унификация закономерно вытекает из универсального характера категории модальности. Несомненно, обособленного рассмотрения требуют конкретные разновидности модальных значений, получающих грамматическое выражение в сравниваемых языках, и формальные способы их передачи: в разных языках они разные, что объясняется специфическими типологическими характеристиками языков, различными грамматическими и экстралингвистическими параметрами.

Исходя из этого здесь за основу сопоставления берется модальное значение, которое

передается различными способами в русском, английском и лезгинском языках, но в русском и английском языках не имеет категориального выражения, а в лезгинском представлено морфологическим показателем.

Основное содержание ирреальных наклонений, на наш взгляд, заключается в том, чтобы представить ситуацию, обозначаемую высказыванием, как возможную, предполагаемую, допустимую, нереальную, иными словами, в той или иной степени не соответствующую действительности.

Для сопоставления модальных значений ирреального плана, обозначаемых формами наклонений в русском, английском и лезгинском языках, мы берём в качестве исходных основные значения морфологических и синтаксических наклонений русского языка и выявляем способы их грамматического оформления в лезгинском и английском языках. Это позволяет, с одной стороны, отталкиваясь от элементов содержательного плана, уточнить неоднозначно толкуемые в литературе значения морфологических форм ирреальных наклонений лезгинского глагола. С другой стороны, в русском и английском языках комплекс модальных значений описан не только на уровне морфологических форм выражения, но и на уровне синтаксиса. Это даёт для анализа достаточно широкий набор ирреальных модальных значений, которые в лезгинском языке, в отличие от русского и английского, могут быть представлены специальными морфологическими формами.

Во многих современных работах типологической направленности выявлены совершенно одинаковые или сходные черты абсолютно разных языков. Подобные исследования тем более важны и ценны для общего языкознания, если эта близость не обусловлена ни родством языков, ни их влиянием друг на друга.

Литература

1. Алиева Э.Н. Категория эвиденциальности в русском, английском и лезгинском языках. Филологические науки. 2008. № 1. С. 78-85.
2. Алиева Э.Н. О модальности невозможности в лезгинском языке в сопоставлении с русским и английским. Филологические науки. 2009. № 5. С. 97-102.
3. Дергачева И.В., Лукинова А.Р., Коцик А.В., Баймурзаева Г.Б. и др. Методика преподавания иностранных языков: классика и инновации / Под ред. Дергачевой И.В. М.:МГППУ; Тверь – Издатель А.Н. Кондратьев, 2012.
4. Керимов К.Р. Концептуализация компаративной семантики, альтернативная категории степеней сравнения // European Social Science Journal. 2013. № 9, том 2. – С. 217-224.

The category of mood in typological aspect

Alieva E.N.,

Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of Psychology and Education, lingvamiep@mail.ru

The development of linguistics is a continuous ongoing process. New material is being accumulated, new ideas arise, previous assessments and concepts have been clarified and reevaluated. This makes it necessary to create a synthesis of the work. Their aim might be summarizing research, achievements, consideration of new material and reevaluation of previously known one. A considerable improvement over the years of research methodology in linguistics contributes to comparative and universal-typological studies of languages of different building including genetically and typologically distant ones.

Keywords: genetically and typologically distant languages, research methodology, comparative linguistics, universal-typological studies of languages.

References

1. *Alieva E.N.* Kategorija jevidencial'nosti v rusском, anglijskom i lezginском jazykah. Filologičeskie nauki. 2008. № 1. pp. 78-85.
2. *Alieva E.N.* O modal'nosti nevozmožnosti v lezginском jazyke v sopostavlenii s rusским i anglijskim. Filologičeskie nauki. 2009. № 5. pp. 97-102.
3. *Dergacheva I.V., Lukinova A.R., Kocik A.V., Bajmurzaeva G.B. i dr.* Metodika prepodavaniya inostrannyh jazykov: klassika i innovacii / Pod red. Dergachevoj I.V. M.:MGPPU; Tver' – Izdatel' A.N. Kondrat'ev, 2012.
4. *Kerimov K.R.* Konceptualizacija komparativnoj semantiki, al'ternativnaja kategorii stepenej sravnenija // European Social Science Journal. 2013. № 9, tom 2. – pp. 217-224.

Типология исторического дискурса

Миньяр-Белоручева А.П.

доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
kafedra241@mail.ru

В статье рассматривается типология исторического дискурса, который долгое время находился на периферии дискурсологии. Исторический дискурс неоднороден по своим типологическим характеристикам, многомерен и вариативен.

Ключевые слова: исторический дискурс, типология, когнитивно-дискурсивная парадигма, тематически связанные тексты, концептуальное пространство..

Для цитаты:

Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020202

For citation:

Minyar-Beloroucheva A.P. Typology of historical discourse [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [*Language and Text langpsy.ru*], 2015, vol. 2, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020202

Всемирная история человечества запечатлена не только в памятниках материальной культуры, но и в дошедших до нас текстах, которые являются важнейшим способом хранения и передачи знания человечества. Во второй половине XX века рамки структурализма ограничивали изучение текста. Искусственно установленные каноны анализа текста не позволяли рассмотреть эту линейную структуру, в которой содержалась «бездна пространства», во всем ее нелинейном многообразии. Решение многих проблем оказалось возможным благодаря дискурсу.

Понятие «дискурс» не является новым, оно восходит к Древнегреческой философии, встречается в трудах Томаса Гоббса и Джона Локка, но как парадигмальное явление было осознано только в XX веке, чему не в малой степени способствовал лингвистический поворот. Понятие “discourse analysis” – «анализ дискурса» впервые введенное в 1928 году Лео Шпитцером в его произведении "Stilstudien" [21], было актуализировано в 1952 году в работе Зеллига Харриса «Дискурс анализ» [18].

Однако только после выхода в свет в 1969 году книги Мишеля Поля Фуко «Археология знания» произошло осознание значимости дискурса и началось его всестороннее изучение. Этому в немалой степени способствовало развитие теории коммуникации, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики. Текст, расширенный до дискурса, стали воспринимать как логическое продолжение «функционально и коммуникативно-ориентированного изучения языка, у истоков которого стоят, с одной стороны, Ф. де Соссюр с его теорией антиномии языка и речи, а с другой, Пражский лингвистический кружок, сделавший центральным предметом своих наблюдений функционирование языка как

действующей в неразрывной связи с его носителем-человеком и открытой коммуникативным обстоятельствам системы» [4, с.5].

Взаимосвязь текста и дискурса – чрезвычайно сложна и до сих пор занимает ведущее место в дискурсологии. Впервые черту между текстом и дискурсом попытались обозначить Т. А. ван Дейк и В. Кинч, подходя к тексту как к абстрактной грамматической структуре произнесенного, а к дискурсу – как к сложному единству языковой формы, значения и действия, соответствующему понятию коммуникативное событие [5, с.46]. В настоящее время существует большое количество исследований, посвященных разграничению текста и дискурса. Текст и дискурс в основном не противопоставляют, а сопоставляют в силу их взаимодействия и взаимосвязи. Корреляцию между текстом и дискурсом стремятся установить с позиций соотношений определяемого и определяющего Ф. де Соссюра. Текст рассматривается как знак, существующий в рамках дискурса и составляющих с ним единое целое [16, р. 97-98].

В классическом определении текст характеризуется как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [8, с.507]. Текст не следует заменять или вытеснять дискурсом, поскольку он, как подчеркивал М.М. Бахтин, «является той непосредственной действительностью <...>, из которой только и <может> исходить <... ..> мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [2]. В данном определении подчеркивается значимость текста как реально существующего, иерархически структурированного материального образования, созданного посредством единиц языка, который на протяжении ряда лет подвергался исследованию с точки зрения лексики, грамматики, синтаксиса с целью установления законов соединения слов в словосочетания, фразы, предложения и в сферхфразовое единство. В результате исследования текстов на поверхностном уровне устанавливались закономерности его связности и цельности. Одновременно делались попытки раскрыть природу создания и воспроизводства текста как коммуникативного единства, как знака, включенного в систему дискурса.

Анализ дискурса как самостоятельного направления связан с Мишелем Фуко, который считал, что «дискурс, созданный последовательностью знаков, составляющих высказывание, представляет собой совокупность высказываний, которые подчиняются одной и той же системе формирования и зависят от одной и той же дискурсивной формации [13, с.208]. Сложно не согласиться с данным определением дискурса. К хрестоматийным относится определение Н.Д. Арутюновой, данное дискурсу как связному тексту в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, как тексту, взятому в понятийном аспекте; речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компоненту, участвующему во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [1, с.136-137].

Дефиниция, данная Г. Уиддоусоном, считавшего, что дискурс – это «текст плюс ситуация», а текст – это «дискурс минус ситуация» [22], позволяет рассматривать взаимодействующие понятия «мира духовного и мира материального» [11] как единое целое. В этом материально-ментальном синтезе, текст воплощает материальную субстанцию, дискурс олицетворяет ментальную ипостась, «возможный (альтернативный) мир» [12, с.44-45], амбивалентное единство которых создает гармонию реальности и виртуальности. Несмотря на то, что текст и дискурс имеют разное происхождение, первый – лингвистическое, второй – социальное, они взаимообусловлены и репрезентируют друг друга [20, р.184].

Границы текста, характеризующегося графической статикой, как правило, четко определены, границы дискурса, отличающегося динамикой, размыты, нечетки и постоянно

изменяются. С такой позицией можно не согласиться, заявив о динамике текста, но динамика текста, образы и мысли, порожденные им, собственно говоря, и есть дискурс. Динамику дискурса обуславливает восприятие текста, которое изменяется вследствие экстралингвистических обстоятельств, характерных не только для эпохи его создания, но и времени его прочтения. Образы и мысли, порожденные текстом, создают виртуальный мир – дискурс, который шире и глубже текста. Это приводит к необходимости рассмотрения дихотомии текст-дискурс в узком и широком смысле, выявления их родо-видовых отношений, в которых дискурсу отводится место родового термина, а тексту – видовое [3].

Текст, будучи вербальным выражением незначительной части дискурса, в свою очередь, порождает новый дискурс, который для каждого индивидуума является уникальным. Когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет подходить к тексту как к совокупности воспроизводимых вербальных знаков в единстве формы и содержания, функционирующих в рамках дискурса. Причем единое концептуальное пространство, которое рассматривается как дискурс, образуется как отдельным текстом, так и рядом тематически связанных текстов, порождающих ментальные образы, образующие определенное информационное поле [17], семантика которого позволяет постоянно расширять существующие границы дискурса, включая в него новые виды. Разнообразие дискурсов привело к необходимости разработать их типологию [14].

В XXI веке дискурс, порожденный текстом, формирует в сознании людей особый способ видения мира, заменяя реальный мир на виртуальный. Осознание того, что информация, содержащаяся в тексте, образует дискурс, способствовало созданию текстов, а следовательно, и дискурса, в котором доминировала *Miracle Reality*, приводящая к дисгармонии между реальным миром и виртуальным, сконструированным посредством языка. Дискурс, стирая границы между реальностью и виртуальностью, позволяет создать некий иллюзорный мир ‘of smoke and mirrors’, в котором господствует стратегия искажения истины, позволяющая манипулировать сознанием масс.

Наиболее отчетливо это проявляется при анализе исторического дискурса, являющегося по сути дискурсом историка. Исторический дискурс, выделенный и описанный М. Фуко [13], неоднороден по своим типологическим характеристикам. Он многомерен, полифункционален, вариативен и соотносится с текущей политикой, которая обуславливает интерпретацию событий прошлого. Политика посредством целенаправленного моделирования исторической реальности воздействует на массового адресата с целью решения конкретных задач современности, при этом следует учитывать, что, как правило, история пишется и переписывается победителями, которые никому более не позволяют вторгаться в эту область, интерпретируя исторические события с удобных им позиций. Ярким примером этому служит образ короля Ричарда III.

Исследование исторического дискурса относится к одному из наиболее сложных явлений, долгое время находившемуся на периферии дискурсологии. Повышенный интерес к историческому дискурсу совпал со сменой парадигм, вызвавшей новое отношение к истории. В отличие от модернизма, который, будучи обращенным в будущее, характеризовался антиисторичностью, отказывая истине в эволюции, постмодернизм, сменивший его в 1960х годах, допускал возможность постижения прошлого посредством интерпретации исторических источников и создания научных исторических текстов, имеющих завершённую форму в которых реконструировалась история человечества. Характерная особенность постмодернизма заключалась в установлении приоритета языка над жизненным опытом, что вызвало скептицизм относительно способности человека должным образом наблюдать и интерпретировать события, некогда происходившие в реальном мире. Новый подход к истории отличался от классического, господствовавшего со времен картезианства, согласно

которому история «как бы <...> ни была интересна, поучительна и ценна для формирования практического отношения к жизни, не могла притязать на истину, ибо события, описываемые ею, никогда не происходили так, как она их описывала» [6, с. 263]. Долгое время считалось, что «даже самые правдивые повествования, если они не извращают и не преувеличивают значение событий, чтобы сделать чтение более занимательным, по меньшей мере, почти всегда опускают самые низменные и менее значительные подробности, в силу чего все остальное представляется не таким, каково оно в действительности» [6, с. 263].

Подход апологетов постмодернизма, допускающих «множество интерпретаций и даже конфликт интерпретаций» [19, с.8], но не допускающих унификации истории, привел к абсолютизации информации, содержащейся в письменном тексте и множественности его толкований, поскольку не только разные историки, но и один и тот же, при обращении к одному и тому же источнику в разные периоды своей жизни, будет по-разному трактовать их.

Следует отметить, что исторический дискурс не является целостным континуумом, в нем можно выделить несколько типологических групп посредством классификации составляющих его текстов. Уникальность исторического дискурса заключается в том, что в его формировании участвуют несколько видов концептуально связанных текстов: первоисточники и созданные на их основе вторичные тексты, т.е. научно-исторические или художественные произведения. Подобное взаимоотношение первоисточников порождает сложный, полифункциональный, отличающийся многообразием, исторический дискурс. К первоисточникам, каждый из которых дискурсивен, относятся вербальные памятники, включающие летописи, мемуары, разнообразные документы: реестры, акты, уложения, статуты, постановления, а также газетные и журнальные статьи, памфлеты, листовки, художественные произведения; произведения философов и политиков разных эпох, запечатлевшие факты свершившихся событий, каталоги, списки вещей и сами вещи; объекты материальной культуры, составляющие артифициальный ареал; визуальные памятники, охватывающие карты, схемы, картины, лубок, карикатуры, плакаты, фотографии, открытки, тиражную графику: гравюры, ксилографию, кинохроники, видеохроники, художественные фильмы. В первоисточниках отражается культура и идеология времени их создания. В первоисточниках, которые следует рассматривать с учетом контекста, содержится информация, не подлежащая изменению, что свидетельствует о статике как их основополагающем свойстве. Дискурс первоисточников обретает динамизм при их интерпретации.

Динамика присутствует в историческом дискурсе, субъективном виртуальном конструкте, созданном в сознании историка на основе имеющихся в его распоряжении первоисточников, который рассматривается как реальная и объективная картина прошлого, продолжающаяся в настоящем. Можно со всем основанием утверждать, что суть исторического дискурса, как ментального образования, выражена в следующем высказывании: «события истории не проходят перед взором историка. Они произошли до того, как он стал думать о них. Он должен воссоздать их в собственном сознании, сопережить тот внутренний опыт участвовавших в них людей, который он хочет понять... История не может стать научной до тех пор, пока историк не в состоянии воспроизвести в своем сознании мысли и переживания людей, о которых он рассказывает... Ценность фактам прошлого придает то обстоятельство, что ... они – наследники идей прошлого, которые историк с помощью исторического сознания делает своими идеями» [7, 94].

Исторический дискурс можно классифицировать на два основных вида: первичный исторический дискурс и вторичный исторический дискурс. Первичный исторический дискурс, со всем разнообразием источников его составляющих, в свою очередь, подвергается более детальному дроблению.

Вторичный исторический дискурс создается посредством составляющих его вторичных, по отношению к первоисточникам, текстов, т.е. научно-исторических и художественных произведений, в которых эксплицитно и имплицитно прослеживаются не только первоисточники, но и их оценка [9]. Во вторичном историческом дискурсе присутствует историческое сознание исследователя или писателя, его восприятие и интерпретация событий прошлого, изложенных в первоисточниках. Вторичный исторический дискурс, классифицируется на научно-исторический и художественно-исторический, дифференцирующийся на прототипичный и индивидуально-авторский. Следует отметить, что научно-исторический дискурс, подразделяющийся на нарративный и аналитический, по сути, является индивидуально-авторским, в котором отражаются мыслительные процессы историка, его непосредственное сопереживание былым событиям. Вторичный исторический дискурс, обогащенный знанием прошлого, дополняется опытом самого историка. Вторичный исторический дискурс, как тип исторического дискурса, подразделяется на подтипы, отражающие жанры научно-исторических произведений.

В учебном историческом дискурсе, в зависимости от уровня изучения истории, присутствуют все виды текстов, составляющих исторический дискурс: исторические первоисточники, научные исторические тексты и художественные произведения, к которым, в последнее время, стали обращаются довольно часто для понимания и иллюстрации условий жизни конкретной исторической эпохи.

Исторический дискурс, порожденный первоисточником, динамичен и уникален для восприятия каждым историком. Полифоничность исторического дискурса детерминирована историческими источниками и спецификой восприятия содержащейся в них информации, которая интерпретируется в зависимости от мировоззрения историков, что находит соответствующее отражение во вторичных исторических текстах, которые, в свою очередь, создают ментальное пространство, в котором ключевыми оказываются позиции и взгляды историка, автора конкретного текста, его собственная картина восприятия исторического прошлого.

Исторический дискурс понимается неоднозначно. Так, Эрик Хобсбаум считал, что история уже сама по себе является дискурсом, что историю можно понять в том случае, если понять язык, на котором в каждую конкретно взятую эпоху люди говорили, думали и принимали решение. Историки, сторонники «лингвистического поворота», отмечал ученый, утверждают, что именно идеи и представления, выраженные в словах, функционировавших в определенный период исторического развития, могут объяснить причины событий, произошедших в прошлом. Вместо этого историки обращаются к языку эвфемизмов, к некоему оруэлловскому «новоязу», который сознательно уводит от реальных событий прошлого вследствие двусмысленности, приводящей к искажению исторической действительности [19, р.47]. Хобсбаумом подчеркивал, что только факты могут поставить все на свои места, а не бесконечная цепочка сменяющих друг друга слов.

К восприятию истории как дискурса многие историки пришли исходя из теории Фердинанда де Соссюра, заявившего, что язык функционирует в соответствии с собственными внутренними законами. Язык – это не окно в мир, но феномен, определяющий восприятие человеком мира. Не существует иного метода изучения истории, кроме интерпретации имеющихся в распоряжении историка вербальных источников, причем считается некорректным со стороны историка трактовать события прошлого с позиций своей эпохи, поскольку язык – это сложная система значений – многосоставной код, лексические единицы которого для каждой отдельно взятой целевой аудитории имеют свое значение. Это позволяет сделать вывод, что власть языка заключается в непреднамеренно передаваемом им значении. Анализ текста, при котором поверхностное исследование отходит на второй план, уступая

глубинному, был обозначен Жаком Деррида как «деконструктивизм» [15], способствующий концептуализации и типологизации исторического ландшафта.

В заключении следует сказать, что сложная типологическая структура исторического дискурса заслуживает отдельного исследования. Несомненно, анализ исторического дискурса не следует низводить до этимологического исследования слов. Представляется целесообразным подойти к историческому дискурсу как к ряду тематически связанных текстов, создающих единое «концептуальное пространство», в рамках которого следует изучить его типологию, подразделяющуюся на несколько видов и подвидов, каждый из которых дробится на составляющие их более мелкие подгруппы. В историческом дискурсе, воздействующем на ум и чувства реципиента, соединились наука и искусство, что осложняет проведение его типологизации.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс/ Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь/ [гл. ред. В. Н. Ярцева]; 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа/ М. М. Бахтин. Электронный ресурс: <http://www.lingvotech.com/baxtin>
3. Богданов, В.В. Текст и текстовое общение/ В.В.Богданов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – 67 с.)
4. Гончарова, Е.А., Шишкина, И.П. Интерпретация текста: Немецкий язык/ Е.А. Гончарова, И.П.Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.
5. Дейк, Т. А. ван, Кинч, В. Стратегии понимания связного текста/ Т. А. ван Дейк, В. Кинч// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – 318 с.
6. Декарт, Р. Рассуждение о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках / Р. Декарт // Избранные произведения. Соч. в 2-х томах. Т.1. – М.: Госполитиздат. 1950. – 342 с.
7. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории / Р. Дж. Коллингвуд. М.: Наука, 1980. – 485 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Ярцева. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002. – 709 с.
9. Миньяр-Белоручева, А.П. Оценка в историческом дискурсе / А.П. Миньяр-Белоручева / Современная коммуникативистика. Том 3, № 3, с. 7-11.
10. Рикер, П. Герменевтика. Эстетика. Политика: Московские лекции и интервью: пер. с фр. / П. Рикер. – М.: Республика, 1995. – 160 с.
11. Скляр, А. Основы физики духа/ А. Скляр. Электронный ресурс: <http://www.lah.ru/text/sklyarov/glava05.htm>.
12. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности / Ю.С. Степанов. // Язык и наука конца XX века. М.: Прогресс, 1995. С. 35-73.

13. Фуко, М. Археология знания/ М. Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
14. Хомутова, Т.Н. Типология дискурса: интегральный подход/ Т.Н.Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. Том 11, № 2. С. 14-20.
15. Derrida, J. Of Grammatology, trans. Gayatri Chakravorty Spivak / J. Derrida. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 1976. – 158 p.
16. Fairclough F. Critical discourse analysis: the critical study of language. – London: Longman Group Limited, 1995. – 265 p.
17. Fauconnier, G., Turner, M. Mental spaces: conceptual integration networks/ G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraets. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303-371.
18. Harris, Z. Discourse Analysis/ Z. Harris // Language. – Vol. 28. – 1952.
19. Hobabawm E. Globalisation, Democracy and Terrorism. – Londin: Abacus, 2008.– 184 p.
20. Kress, G. Against arbitrariness: the social production of the sign as a foundational issue in critical discourse analysis/ G. Kress // Discourse and Society. – № 4 (2), 1993. – P. 169-191.
21. Spitzer, L. Stilstudien / L. Spitzer. – München: M. Hueber, 1928. Bd. 1. – 295 s. Bd. 2. – 592 s.
22. Widdowson, H.G. Discourse Analysis/ H.G. Widdowson. – Oxford: Oxford Introduction to Language Study ELT, 2007. – 152 p.

Typology of historical discourse

Minyar-Beloroucheva A.P.,

Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
kafedra241@mail.ru

The article deals with the typology of historical discourse, which has been on the periphery of discourse analysis. The investigation has shown that historical discourse is typologically heterogeneous, multidimensional and variable.

Keywords: historical discourse, typology, cognitive-discursive paradigm, thematically connected texts, conceptual space.

References

1. *Arutyunova, N.D.* Diskurs [Discourse]/ N. D. Arutyunova // Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' / [gl. red. V. N. Yartseva]; 2-e izd. – M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. – 685 p.
2. *Bakhtin, M. M.* Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis]/ M. M. Bakhtin. Elektronnyy resurs: <http://www.lingvotech.com/bakhtin>
3. *Bogdanov, V.V.* Tekst i tekstovoe obshchenie [Text and text communication]/ V.V.Bogdanov. – SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1993. – 67 p.
4. *Goncharova, E.A., Shishkina I.P.,* Interpretatsiya teksta: Nemetskiy yazyk [Text-interpretation: the German language]/ E.A. Goncharova, I.P.Shishkina. – M.: Vysshaya shkola, 2005. – 367 p.
5. *Dijk T.A. van, Kinch V.* Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Comprehension strategies of connected text]/ T. A. van Deyk, V. Kinch// Novee v zarubezhnoy lingvistike. – Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. – M.: Progress, 1988. – 318 p.
6. *Descartes, R.* Rassuzhdenie o metode dlya khoroshego napravleniya razuma i otyskaniya istiny v naukakh [Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences]/ R. Dekart // Izbrannye proizvedeniya. Soch. v 2-kh tomakh. T.1. – M.: Gospolitizdat. 1950. – 342 p.
7. *Collingwood, R.G.* Idea of history / R.G. Collingwood. M.: Nauka, 1980. – 485 p.
8. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic Dictionary of Linguistics]/ Pod red. V.I. Yartseva. – M.: Nauchnoe izd-vo «Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya», 2002. – 709 p.
9. *Minyar-Beloroucheva A.P.* Otsenka v istoricheskom diskurse [Assesment in historical discourse] / A.P. Minyar-Beloroucheva / Sovremennaya kommunikativistika. Tom 3, № 3,

pp. 7-11.

10. *Ricoeur, P.* Hermenevtika. Estetika. Politika: Moskovskie lektzii i interv'yu: per. s fr. [Hermeneutics. Aesthetics. Policy: Moscow lectures and interviews: trans. from French]/ P. Riker. – M.: Respublika, 1995. – 160 p.

11. *Sklyarov, A.* Osnovy fiziki dukha [The Physics of Spirit]/ A. Sklyarov. Elektronnyy resurs: <http://www.lah.ru/text/sklyarov/glava05.htm>.

12. *Stepanov, Yu.S.* Al'ternativnyy mir, diskurs, fakt i printsipy prichinnosti [Alternate world, discourse, fact and the principles of causality]/ Yu.S. Stepanov. // Yazyk i nauka kontsa XX veka. M.: Progress, 1995. pp. 35-73.

13. *Foucault, M.* Arkheologiya znaniya [The Archaeology of Knowledge]/ M. Fuko. – Kiev: Nika-Tsentr, 1996. – 208 p.

14. *Khomutova, T.N.* Tipologiya diskursa: integral'nyy podkhod [Typology of discourse: an integrated approach]/ T.N.Khomutova // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvichtika. Tom 11, № 2. S. 14-20.

15. *Derrida, J.* Of Grammatology, trans. Gayatri Chakravorty Spivak / J. Derrida. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 1976. – 158 p.

16. *Fairclough F.* Critical discourse analysis: the critical study of language. – London: Longman Group Limited, 1995. – 265 p.

17. *Fauconnier, G., Turner, M.* Mental spaces: conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraets. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. pp. 303-371.

18. *Harris, Z.* Discourse Analysis / Z. Harris // Language. – Vol. 28. – 1952.

19. *Hobabawm E.* Globalisation, Democracy and Terrorism. – Londin: Abacus, 2008.– 184 p.

20. *Kress G.* Against arbitrariness: the social production of the sign as a foundational issue in critical discourse analysis/ G. Kress // Discourse and Society. – № 4 (2), 1993. – pp. 169-191.

21. *Spitzer, L.* Stilstudien / L. Spitzer. – München: M. Hueber, 1928. Bd. 1. – 295 s. Bd. 2. – 592 p.

22. *Widdowson H.G.* Discourse Analysis/ H.G. Widdowson. – Oxford: Oxford Introduction to Language Study ELT, 2007. – 152 p.

О единицах бытового и художественного диалога

Садикова В.А.

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверской государственной университет, Тверь, Россия, vsadnik46@mail.ru

В статье анализируются принципы разграничения единиц бытового и художественного диалогов, прослеживается трансформация подходов в их изучении. Микродействие и топ рассматриваются как конституэнты соответственно драматической и бытовой коммуникации.

Ключевые слова: драма, диалог, коммуникация, дискурс, микродействие, топы как структурно-смысловые модели, коммуникативный смысл.

Для цитаты:

Садикова В.А. О единицах бытового и художественного диалога [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Sadikova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020203

For citation:

Sadikova V.A. About units of household and artistic dialogue [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Sadikova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy). doi: 10.17759/langt.2015020203

В 80-е годы прошлого века широко велись активные научные и методологические исследования, направленные на то, чтобы «читать художественный текст именно как художественный». А после работ О.Б. Сиротининой и коллективных монографий под ее редакцией [26] невозможно не понимать, насколько наша бытовая разговорная речь отлична от того, что мы находим в художественном тексте.

Сегодня изыскания в этом направлении продолжают. Особенно хочется отметить исследовательскую работу по разговорной речи В.К. Харченко [27]. Но таких работ немного. Поэтому считаю необходимым обратиться к этой теме: обидно видеть, когда невероятные усилия прикладываются к тому, чтобы изучать суррогат вместо подлинного языкового явления. Это происходит и тогда, когда за реальную коммуникацию выдаются примеры из художественного текста, и тогда, когда как «художественный стиль» рассматривается бытовое общение с использованием выразительных языковых средств. Особенно это наглядно проявляется при исследовании диалогической речи.

Сегодня, учитывая гигантские успехи прагмалингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики, невозможно говорить о диалоге в отрыве от дискурса, от социального поля, в котором диалог только и может существовать, от чувств и эмоций, которыми он, как правило, насыщен. Тем важнее разграничивать эти два принципиально разные явления – диалог бытовой и диалог художественный – в новом формате.

Природа диалога давно волнует лингвистов. В исследовательских целях многократно

предпринимались попытки выделить минимальную единицу диалога, обладающую свойствами целого. В плане исследования диалога объектом анализа стала драма, драматическое произведение, и единица диалога выделялась именно применительно к драме, к сценической речи: «Основная единица сценической речи есть реплика» [9, с.258]. Понятиями «система реплик» и «диалогическое объединение» пользуется В.В. Виноградов [8, с.160–161]. Позже становится наиболее популярным термин «диалогическое единство» [5; 6; 11; 13; 31], впервые введенный Н.Ю. Шведовой [30, с.69]. Этот термин использовался как относительно художественного, так и относительно бытового диалога.

Однако многими исследователями давно ощущалась несводимость лингвистического анализа драматического текста к анализу диалога, потому что сам диалог «оказывается частью драмы» [4, с.7], не исчерпывающей ее двойственной природы – быть действием и словом одновременно. «Факторами, организующими словесный ряд в драме, является тема и эмоция... Ориентируясь на движение малых тем в пределах диалога, сцены или акта, организуется строй пьесы» [2, с.9]. «Тема – простейшая статическая единица сюжетосложения... Мотив – простейшая динамическая единица...», пишет А.А. Реформатский и тут же уточняет значение этого термина в работах других исследователей: «Мотив по А.Н. Веселовскому – «простейшая повествовательная единица», по М.А. Петровскому – «элемент сюжета, задерживающий или ускоряющий действие» [19, с.559–560]. В.Я. Пропп выделяет единицы взаимодействия – функции действующих лиц, «которыми могут быть заменены мотивы Веселовского...» [18, с.24]. И далее: «Под функцией понимается поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия» [Там же, с.26]. И хотя реплика как структурно-сематическая единица драматургического текста не остается без внимания исследователей и сегодня [23], в новейших работах осознается несводимость изучения драмы в лингвистическом аспекте исключительно к диалогу. На первый план выступает смыслообразование, действие, и сценическая коммуникация [3; 10; 14; 15; 24; 25; 29], хотя и продолжают появляться «гибридные» работы, в которых исследование структурных единиц речи исследуется на материале драматургического текста, например, [28].

Таким образом, для анализа драмы первостепенно важным закономерно становится действие. Еще в 90-е годы прошлого века в качестве минимальной единицы драматического текста, обладающей всеми свойствами целого (и прежде всего – действительностью), нами было выделено микродействие как конститuent драматического текста. Мы опирались на одну из классических работ по драматургии: «Читая или видя пьесу, мы непосредственно воспринимаем не основные темы пьесы, но ее конструктивные леса, и мы идем по ним, проводимые драматургом к той вершине, откуда будут видны в творческой, художественной перспективе пропорции соотношения частей, выпрямленные или укороченные линии сюжета, оттеняющая игра тонов» [2, с.13]. Литературоведом метафорически описан совершенно реальный процесс структурирования драматургического текста, который может стать верифицированным посредством его членения на микродействия, которые и выполняют роль таких «конструктивных лесов». Под микродействием мы понимаем структурное единство, которое обладает логико-смысловой целостностью и речедейственной законченностью и выступает как часть относительно завершенной коммуникации в контексте целого драматического произведения [20, с.46 – 53].

Однако членение текста на микродействия возможно только применительно к драматургическому тексту и не может быть инструментом исследования бытового диалога – незавершенного, спонтанного, эстетически не организованного, т.к. микродействие обязательно предполагает конечность и целостность драматического произведения и имеет смысл только относительно этой завершенности.

В то же время совершенно очевидно, что бытовой диалог тоже структурирован, но, безусловно, на других основаниях. В поисках минимальной целостной единицы бытового диалога мы шли не от текста диалога (как при анализе драмы), а от условий его порождения.

В поисках структурно-смысловой единицы (конституента) речевого и неречевого спонтанного бытового общения мы обратились к очень древнему понятию «топика», к его истокам – работам Протагора, Аристотеля, Цицерона. Традиционно топ считается риторическим термином (А.А. Волков, В.И. Маров, Ю.В. Рождественский, Т. Фивег). В неориторике топы рассматриваются «как заголовки, под которыми могут быть классифицированы аргументы» [17], или как «мысли, которые основаны на ценностях и предпочтениях, обращающихся к нравственным ориентирам» [1]. Уже из этих определений понятно, что и в традиционном смысле, как «общие места», топы трактуются исследователями очень по-разному: Х. Перельман соотносит топику с логикой, а Л.В. Ассиурова – с этикой. Однако уже в этих работах отмечается структурно-смысловый потенциал топов.

Это понятие нами было переосмыслено с позиций современной коммуникативистики, и вместо «общих мест» постепенно стала вырисовываться «система структурно-смысловых моделей». Начало этому исследованию положило чтение замечательной книги А.К. Михальской «Основы риторики: Мысль и слово»: «Всмотревшись в глубь многовековой истории мы обнаружим, что некогда «общие места» представляли собой вовсе не избитые фразы, не готовый результат чужого творчества, а настоящие смысловые модели, по которым ритор мог творить сам!» [16, с.131]. Заинтересовало то обстоятельство, что исследователи выделяли, хотя и разное, но определенное количество смысловых моделей: Аристотель выделяет 28 топов, Цицерон – 16, Н.Ф. Кошанский – 24. Однако А.К. Михальская рассматривает топы как открытый ряд, который может быть неограниченно продолжен: «Это такие «общие места», как «определение», «часть», «род», «вид», «сходство», «различие», «причина», «следствие», «сравнение» и другие» [16, с.131–132]. Мы же полагаем, что топика являет собой закрытый ряд, систему единиц, функционирующую в языке, в человеческом сознании и мышлении. Эта система ментально-языковых единиц представляет собой общую базу взаимопонимания в процессе коммуникации, потому что ее использование позволяет общающимся мобильно учитывать многообразные экстралингвистические факторы, актуальные для них «здесь и сейчас», и формировать коммуникативный смысл, рекурсивно, диалектически связанный с интересами, мотивами, целями и действиями коммуникантов.

Топика, понимаемая как диалектика, а не как «общие места», есть базовая категория, которая служит как самой практике общения, так и анализу естественной практики общения людей. Эти синтетические метакатегории, отражающие связь языка, бытия и мышления способом, единственно доступным человеку, составляют исчерпывающий перечень: ИМЯ, ДЕЙСТВИЕ, СТРАДАНИЕ (ПРЕТЕРПЕВАНИЕ), СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), СВОЙСТВА (признаки, качества), РОД и ВИД (разновидности), ОБЩЕЕ (абстрактное) и ЧАСТНОЕ (конкретное), ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, СВИДЕТЕЛЬСТВО, ПРИМЕР, СИМВОЛ. Подробнее см. [21, 22]. Эти метакатегории представляют собой систему отношений (ср.: [15, с.127]), сформированную практикой общения людей на протяжении всей истории человечества. Если общение имеет коммуникативный смысл, оно неизбежно реализуется топикой. В одной из новейших работ справедливо подчеркивается: «Смысл не словесен, отделен от «языка», заключен в действии коммуниканта, интерпретируется исходя из общих условий действия. Попытки найти в ничьих «словах и грамматике» смысловое тождество выливаются в признание множественной интерпретации, т.е. отрицание тождественного смысла в реальном коммуникативном процессе» [7, с.451; курсив мой – В.С.].

Таким образом, на первый план в лингвистических исследованиях диалога сегодня

закономерно выступает коммуникация. Принципиально различная природа коммуникации в драматическом (и вообще художественном) и бытовом диалоге требует принципиально различных подходов в изучении. Объединяющим эти два процесса можно считать понятие дискурса, активно используемое сегодня в разных лингвистических работах. Однако надо учитывать противоположную направленность дискурса в бытовом диалоге и диалоге художественном: если диалог бытовой есть следствие сложившейся ситуации и интенций говорящих, то диалог художественный эстетически самоценен и сам каузирует дискурс, является его причиной. Во всяком случае, читающий художественное произведение восстанавливает дискурс на основе прочитанного диалога, который – всегда – имитация бытового общения и категория эстетическая. Особенно это очевидно в диалоге драмы, где нет авторского текста (не считая ремарок), а ткань художественного текста складывается исключительно из реплик действующих лиц. И в новейших работах по изучению драмы, как правило, эти отличия учитываются: "Специфика драматургического диалога (в сравнении с наиболее близким к нему разговорным диалогом) обуславливается следующими свойствами: 1) монологизацией реплик персонажей; 2) моноцентричностью (принадлежностью только автору) замысла; 3) наличием общественно обусловленного когнитивного диссонанса между коммуникантами; 4) минимумом резких тематических переходов; 5) неспонтанным характером драматургического диалога" [12, с.13]. Однако при изучении бытового диалога и сегодня чаще всего используется текст (материал) драматического произведения, а результаты такого исследования выдаются за результаты исследования бытовой разговорной речи.

Таким образом, единицы исследования диалога бытового и диалога художественного должны быть разные: для драмы единицей членения диалога следует считать микродействие, для бытового диалога – топ как ментальную структурно-смысловую единицу порождения коммуникативного смысла в процессе реальной коммуникации. Микродействия в драме обеспечивают восстановление дискурса драмы как театрально-драматургической коммуникации в сознании читателей/зрителей в соответствии с замыслом драматурга/режиссера; топы в сознании коммуникантов обеспечивают структурирование коммуникативного дискурса с учетом реализации мотивов и целей общающихся и их взаимопонимание в процессе естественного общения. Микродействия конкретны и многообразны; нет необходимости в их исчислимости, потому что сам их отбор в каждой конкретной драме ограничен, так как любое художественное произведение ограничено условиями жанра. Топы же функционируют в самой жизни – безграничной, непредсказуемой, спонтанной, поэтому список их – как структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла – ограничен и исчислим. Как неисчислимость микродействий драмы, так и ограниченность перечня топов есть следствие диалектической природы нашей человеческой коммуникации.

Литература

1. *Ассуирова Л.В.* Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания: дис... д-ра. педаг. наук. – М., 2003. – 550 с.
2. *Балухатый С.Д.* Проблемы драматургического анализа. –Л: Akademia 1927. –184 с.
3. *Бочавер С. Ю.* Связность драматического текста и сценическая коммуникация (на материале русской и испанской драматургии конца XIX - начала XX вв.): автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 29 с.
4. *Будагов Р.А.* О сценической речи // Филологические науки. – М.: Высшая школа,

№ 6 (84), 1974. – С. 3–14.

5. *Бырдина Г.В.* Конструктивная роль исходной реплики в диалогическом вопросно-ответном единстве: дис. ... канд. филолог. наук. – Калинин, 1985. – 216 с.

6. *Валюсинская З.В.* Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 299–313.

7. *Вдовиченко А.В.* Грекоязычные библейские тексты в предметной и дискурсивной моделях описания: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 640 с.

8. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. – М.: Госиздат, 1959. – 655 с.

9. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.

10. *Глущенко Н.В.* Драматический диалог как дискурсивная практика: дис. ... канд. филолог. наук. – Тверь, 2005. – 161с.

11. *Гоголь Е.А.* Единица обучения – диалогическое единство // Русский язык в национальной школе, № 1, 1981. – С. 56–60.

12. *Голованева М.А.* Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века: автореферат дис. ... д-ра. филолог. наук. – Астрахань, 2013. – 40 с.

13. *Гураль Л.Л.* Интонационная организация диалогических единств: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1972. – 16 с.

14. *Драгайцев Д.В.* Функциональная смысловая зависимость в структурно-семантических конституентах драматического произведения (На примере исторических хроник У. Шекспира) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 155 с.

15. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.

16. *Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.

17. *Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л.* Из книги "Новая риторика: трактат об аргументации" // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 207 – 264.

18. *Пропл В.Я.* Морфология сказки. – Л.: АКАДЕМИА, 1928. – 152с.

19. *Реформатский А.А.* Опыт анализа новеллистической композиции // Семиотика /Под ред Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 557 – 565.

20. *Садикова В.А.* Специфика композиции и языка драматического произведения (на материале трагедии А.С. Пушкина "Скупой рыцарь"): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 166 с.

21. *Садикова В.А.* Топика как типология инвариантов высказывания. Функционирование вершинных языковых категорий-топов в науке и бытовом общении. – Германия: LAP, 2011. – 364 с.

22. *Садикова В.А.* Дискурс, топика и коммуникация // [Электронный ресурс] //

Язык и текст langpsy.ru. 2014. №1. URL: <http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhmetov.phtml>

23. Сарычев В.В. Реплика как структурно-семантическая единица драматургического текста: на материале ряда трагедий В. Шекспира: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 205 с.

24. Сафронов А.А. Словообразование в драматургическом тексте и его вторичных интерпретациях: дисс.... канд. филол. наук. – Тверь, 2003. – 142с.

25. Свиридова Л.К. Роль эмоциональных структур в реализации категории тождества при построении драматургического текста: автореферат дис.... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 32 с.

26. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. — М.: Просвещение, 1974. – 144 с.

27. Харченко В.К. Мозаика разговорной речи: аспекты исследования, электронная база высказываний. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2013. – 192 с.

28. Хомякова Т.Е. Составное высказывание вопросительного типа как структурная единица речи: на материале английской драматургии: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. – 27 с.

29. Цунский И.В. Театральная герменевтика и анализ театрального текста // Общественные науки и современность, 2000, № 3. – С. 161–171.

30. Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания, 1956, № 2. – С 67–82.

31. Юдина Н.Е. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств: автореферат дис.... канд. филол. наук. – М., 1973.

About units of household and artistic dialogue

Sadikova V.A.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tver State University, Tver, Russia,
vsadnik46@mail.ru

The article summarizes principles for the distribution of domestic and artistic dialogues, there is a transformation of attitudes in their study. Mikrodejstvie and top are treated as constituents respectively dramatic and everyday communication.

Keywords: drama, dialogue, communication, discourse, mikrodejstvie, tops as structural-semantic model, the communicative sense.

References

1. *Assuirova L.V.* Toposy kak ritoricheskie kategorii i strukturno-smyslovye modeli porozhdenija vyskazyvanija: dis... d-ra. pedag. nauk. – M., 2003. – 550 p.
2. *Baluhatyj S.D.* Problemy dramaturgicheskogo analiza. –L: Akademia 1927. –184 p.
3. *Bochaver S. Ju.* Svjaznost' dramaticheskogo teksta i scenicheskaja kommunikacija (na materiale russkoj i ispanskoj dramaturgii konca XIX - nachala HH vv.): avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2012. – 29 p.
4. *Budagov R.A.* O scenicheskoi rechi // Filologicheskie nauki. – M.: Vysshaja shkola, № 6 (84), 1974. – pp. 3–14.
5. *Byrdina G.V.* Konstruktivnaja rol' ishodnoj repliki v dialogicheskom voprosno-otvetnom edinstve: dis. ... kand. filolog. nauk. – Kalinin, 1985. – 216 p.
6. *Valjusinskaja Z.V.* Voprosy izuchenija dialoga v rabotah sovetskih lingvistov // Sintaksis teksta. – M.: Nauka, 1979. – pp. 299–313.
7. *Vdovichenko A.V.* Grekojazychnye biblejskie teksty v predmetnoj i diskursivnoj modeljah opisaniya: dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2014. – 640 p.
8. *Vinogradov V.V.* O jazyke hudozhestvennoj literatury. – M.: Gosizdat, 1959. – 655 p.
9. *Vinokur G.O.* Izbrannye raboty po russkomu jazyku. – M.: Uchpedgiz, 1959. –492 p.
10. *Glushhenko N.V.* Dramaticheskij dialog kak diskursivnaja praktika: dis. ... kand. filolog. nauk. – Tver', 2005. – 161 p.
11. *Gogol' E.A.* Edinica obuchenija – dialogicheskoe edinstvo // Russkij jazyk v nacional'noj shkole, № 1, 1981. – pp. 56–60.
12. *Golovaneva M. A.* Kommunikativno-kognitivnoe prostranstvo russkoj dramy konca XX veka: avtoreferat dis. ... d-ra. filolog. nauk. – Astrahan', 2013. – 40 p.
13. *Gural' L.L.* Intonacionnaja organizacija dialogicheskikh edinstv: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. – Kiev, 1972. – 16 p.
14. *Dragajcev D.V.* Funkcional'naja smyslovaja zavisimost' v strukturno-semanticheskikh konstituentah dramaticheskogo proizvedenija (Na primere istoricheskikh hronik U.

Shekspira) : dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2003. – 155 p.

15. *Leont'ev D.A.* Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. 3-e izd., dop. – M.: Smysl, 2007. – 511 p.

16. *Mihal'skaja A.K.* Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo. – M.: Prosveshhenie, 1996. – 416 p.

17. *Perel'man H., Olbreht-Tyteka L.* Iz knigi "Novaja ritorika: traktat ob argumentacii" // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya. – M.: Progress, 1987. – pp. 207 – 264.

18. *Propp V.Ja.* Morfologija skazki. – L.: AKADEMIA, 1928. – 152 p.

19. *Reformatskij A.A.* Opyt analiza novellisticheskoy kompozicii // Semiotika /Pod red Ju.S. Stepanova. – M.: Raduga, 1983. – pp. 557 – 565.

20. *Sadikova V.A.* Specifika kompozicii i jazyka dramaticheskogo proizvedenija (na materiale tragedii A.S. Pushkina "Skupoj rycar"): dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1993. – 166 p.

21. *Sadikova V.A.* Topika kak tipologija invariantov vyskazyvanija. Funkcionirovanie vershinnyh jazykovyh kategorij-topov v nauke i bytovom obshhenii. – Germanija: LAP, 2011. – 364 p.

22. *Sadikova V.A.* Diskurs, topika i kommunikacija // [Elektronnyj resurs] // Jazyk i tekst langpsy.ru. 2014. №1. URL: [http:// langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhmetov.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhmetov.phtml)

23. *Sarychev V.V.* Replika kak strukturno-semanticheskaja edinica dramaturgicheskogo teksta: na materiale rjada tragedij V. Shekspira: diss. ... kand. filol. nauk. – M., 2009. – 205 p.

24. *Safronov A.A.* Smysloobrazovanie v dramaturgicheskom tekste i ego vtorichnyh interpretacijah: diss.... kand. filol. nauk. – Tver', 2003. – 142 p.

25. *Sviridova L.K.* Rol' jemocional'nyh struktur v realizacii kategorii tozhdestva pri postroenii dramaturgicheskogo teksta: avtoreferat dis.... d-ra filol. nauk. – M., 2004. – 32 p.

26. *Sirotnina O.B.* Sovremennaja razgovornaja rech' i ee osobennosti. — M.: Prosveshhenie, 1974. – 144 p.

27. *Harchenko V.K.* Mozaika razgovornoj rechi: aspekty issledovanija, jelektronnaja baza vyskazyvanij. – M.: Izd-vo Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo, 2013. – 192 p.

28. *Homjakova T.E.* Sostavnoe vyskazyvanie voprositel'nogo tipa kak strukturnaja edinica rechi: na materiale anglijskoj dramaturgii: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. – 27 p.

29. *Cunskij I.V.* Teatral'naja germenevtika i analiz teatral'nogo teksta // Obshestvennye nauki i sovremennost', 2000, № 3. – pp. 161–171.

30. *Shvedova N.Ju.* K izucheniju russkoj dialogicheskoy rechi. Repliki-povtory // Voprosy jazykoznanija, 1956, № 2. – pp 67–82.

31. *Judina N.E.* K voprosu ob jemocional'nyh konstrukcijah v sostave dialogicheskikh edinstv: avtoreferat dis.... kand. filol. nauk. – M., 1973.

Внутритекстовое выражение образа автора в «Диариуше» Афанасия Брестского

Силина Л.А.

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки», ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, *l-silina@mail.ru*

В статье рассматриваются формы выражения субъективного авторского сознания через анализ внутритекстовых средств выражения образа автора, дается представление о мировоззрении и роли Афанасия Брестского в контексте его времени..

Ключевые слова: образ автора, повествование, публицистика, мировоззренческая позиция.

Для цитаты:

Силина Л.А. Внутритекстовое выражение образа автора в «Диариуше» Афанасия Брестского [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Silina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020204

For citation:

Silina L.A. Intertextual expression of author's image of "Diariush" by Afanasy Brestsky [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Silina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy). doi: 10.17759/langt.2015020204

Внутритекстовые проявления образа автора дают возможность более полно раскрыть замысел произведения, высветить концептуальные проблемы, волновавшие автора, изобразить драматизм внутреннего мира и субъективность оценки окружающей действительности, а также полемизм и остроту восприятия современной писателю жизни. Как указывают исследователи «Диариуша» преподобномученика Афанасия Брестского, свод, созданный им, содержит более десяти произведений, написанных на протяжении восьми лет [4, 3]. В 1646 году, находясь в ссылке, Афанасий Брестский объединил написанное ранее в единое произведение, назвав его «Диариуш» (от лат. *diarium* - ежедневный, польск. *dziariusz* - дневник, семейная хроника). Подвижническая жизнь отца Афанасия заслуживает отдельного изучения, но предметом нашего исследования является созданный им один из первых образцов полемической автобиографии. Жанровая структура «Диариуша» представляет собой синтез различных жанровых модификаций – экзегезис, суплика (послание), пророческий аполог, стихотворение-молитва, видение, автобиографический очерк.

Авторское присутствие в тексте произведения, как правило, зависит и от его жанровой принадлежности. В этой связи важно подчеркнуть, что Л.В. Левшун, рассматривая проблемы жанровой дефиниции «Диариуша», опровергает точку зрения ученых, относящих данное произведение к мемуарному жанру, выделяя ряд «немемуарных» его особенностей: «не

соблюдается хронология в изложении событий; об одних и тех же фактах говорится в разных статьях, причем в одних и тех же выражениях; несколько раз изменяется предполагаемый адресат; цели автора были едва ли не противоположны тем, какими руководствовались мемуаристы, записывая события, так или иначе связанные с их особами» [3, с. 724]. Сам Афанасий Брестский в титуле своего произведения указывает на его идею, цель создания и даже жанр: «Диариуш или свод деяний подлинных в деле умножения и исповедания веры православной, оглашенный, по воле Божией и молитвами Пречистой Богородицы в недавно минувшие времена: в начале благочестивому царю московскому Михаилу, затем его милости королю Польскому Владиславу Четвертому, напоследок преосвященному архиепископу, всея России митрополиту Петру Могиле, изложенный смиренным иеромонахом Афанасием Филипповичем, игуменом Берестья Литовского, которым в монастыре Печеро-Киевском и составляется для ведома людей православных, желающих о том ныне и в последствии знать, в году 1646, месяца, дня» [5]. Таким образом, титул задает тон восприятия произведения как воплощения мировоззренческой позиции его автора, а в некоторых частях и как политическая программа действия. Солидаризируясь с мнением Л.В. Левшун, указывающей на неоднородность жанрового канона «Диариуша», хотелось бы заметить, что данное произведение всё же содержит в себе элементы жанра полемической автобиографии. Создание «свода деяний подлинных», изложенных конкретным лицом, а именно – «смиренным иеромонахом Афанасием Филипповичем, игуменом Берестья Литовского», дает право отметить черты автобиографического начала, облеченного по воле его автора в дневниковую форму [5]. В.В. Кусков, размышляя о психологии творчества древнерусского автора и о роли публицистического начала, писал: «Древнерусский писатель менее всего был склонен к беспристрастному изложению фактов, "добру и злу внимая равнодушно". Любой жанр древней литературы, будь то историческая повесть или сказание, житие или церковная проповедь, как правило, включает в себя значительные элементы публицистики» [6]. Таким образом, цель создания «Диариуша», ярко выраженная позиция автора, обращения к адресатам, патетика и стиль повествования – черты, которые подчеркивают элементы публицистики в жанровой структуре произведения.

Адресат повествования – один из главных объектов авторского внимания в «Диариуше», поэтому диалогизм и полемичность пронизывает всю повествовательную структуру данного произведения. Наличие адресата вытекает из коммуникативной функции и позволяет конкретизировать его черты. Адресатом «Диариуша» является современник автора, небезразличный к судьбе православия, притесняемого в Великом Княжестве Литовском: «...люди православные, желающие о том ныне и в последствии знать». Помимо собирательного образа читателя «Диариуша» – «людей православных», адресатами здесь выступают московский царь Михаил Фёдорович, польский король Владислав IV и митрополит Петр Могила. Идеи искания Афанасия Брестского и его деяния, известные по рукописям XVII века, непосредственно запечатлены в «Диариуше». Анализ воплощенной в нем программы позволяет говорить о полемической заостренности прозы, несущей в себе черты публицистического жанра, для которого характерна обращенность к сложным общественным и мировоззренческим проблемам. Пытаясь отстоять права Восточной церкви перед польским королем Владиславом IV, отец Афанасий Брестский пишет речь «Приготовление на суд», к которой прилагалась статья под названием «Порада побожная, именем Иисуса Христа, Откупителя нашего, кролю Полскому Владиславу IV, пану, мне милостливому». Данная статья представляет собой политическую программу, в которой Афанасий Брестский предлагает ряд преобразований, направленных на упразднение унии: созыв Вселенского Собора, на котором будет упразднена уния в Речи Посполитой; установление гражданского мира путем

уничтожения унии, с одной стороны, и прекращение политики религиозной толерантности, приведшей к изданию еретических книг в огромном количестве в Европе того времени, с другой; заключение брачного союза польского короля Владислава с дочерью Московского царя Михаила Федоровича. Выделение «адресатов» повествования и прямое обращение автора к ним подчеркивает диалогическое начало творчества Афанасия Брестского, его острую общественно-политическую направленность.

Образ автора в «Диариуше» ярко выражен в стиле произведения, его лирико-философской доминанте. Здесь представлена целая палитра художественно-образных средств: символика, сравнения, метафоры, евангельские и фольклорные образы. «Средневековый человек был убежден, что символы скрыты в природе и самом человеке, символическим смыслом наполнены исторические события. Символ служил средством раскрытия смысла, обретения истины. Как многозначны знаки окружающего человека видимого мира, так многозначно и слово: оно может быть истолковано не только в своем прямом, но и в переносных значениях. Этим определяется характер символических метафор, сравнений в древнерусской литературе» [6]. Близкий по духу народной культуре, Афанасий Брестский обращается к басенному жанру, используя образы волка и лисы, за которыми в поэтической системе фольклора закреплена определенная семантическая коннотация: волк – зверь, враг; лиса – хитрость, обман. Союз унии он называет «лисовым ... кумовством», уния отождествляется с образом «волка хищного», а Православная церковь сравнивается с «овечкой Христовой». Авторская система ценностей, страстный пафос проповедничества пронизывает всю художественную ткань произведения: «По тем тогда причинам Русь, унии не принявшая, смирением Божиим и Духом Святым обнаружив эту скрытную хитрость Лицифера проклятого и зная хорошо о превратностях его, что может из птицы псом и лисою обратиться, из лисы волком и львом обернуться, а из льва – василиском и драконом адским стать и то из этих наиглавнейших двух вещей познавая (из которых первую, что под титулом словечка того «уния», то есть под именем согласия посвященных духовных, на земле сущих, и то меньших владык, говорю, с епископами, в триумфе и процессиях внешних (ибо не в богослужении) соединить замыслил, обещая им за то столы сенаторские и добро земское» [5]. Разоблачая унию, писатель мастерски синтезирует христианскую символику с фольклорными образами и сравнениями, что в значительной степени придает произведению эмоциональную насыщенность и философскую глубину. В данном фрагменте прослеживается и аналогия с ораторской речью, главная цель которой – убедить адресата/слушателя. Здесь важно было для писателя воздействовать не только на разум, но и на чувства своих адресатов. Целью Афанасия Брестского было отражение духовных поисков, религиозно-философских концепций эпохи 40-х гг. XVII века в Великом Княжестве Литовском. Касаясь важных мировоззренческих и общественных проблем, о. Афанасий Брестский верит в силу влияния слова на современников, поэтому он так страстно и горячо пытается убедить всех в своей правоте. Однако его произведение не только проповедь православия, обращенная к современникам, но и к потомкам, с целью фактографически точно запечатлеть истинное положение Православной церкви в Великом Княжестве Литовском. Данная тенденция вписывает «Диариуш» в литературный контекст эпохи, так как целью древнерусского автора было донести до потомков исторические события или важнейшие факты общественной жизни.

Несмотря на ряд спорных моментов, связанных с жанровым определением «Диариуша», образ автора в нем имеет яркое внутритекстовое воплощение, поскольку в произведении, написанном от первого лица, выражено мировоззрение и острая общественная позиция его автора, а также воссоздан реально-исторический фон эпохи, пронизанный субъективной авторской оценкой. Субъективное авторское сознание, отраженное в произведении как

Силина Л.А.
Внутритекстовое выражение образа автора в «Диариуше»
Афанасия Брестского
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 2. С. 25–29.
doi: 10.17759/langt.2015020204

Silina L.A.
Intertextual expression of author's image of
"Diariush" by Afanasy
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 2, pp. 25–29.
doi: 10.17759/langt.2015020204

авторская точка зрения на воссоздаваемую эпоху, авторский комментарий имевших место событий, характеристика исторических лиц, неоднородная по стилистике тональность повествования в различных фрагментах текста, позволяют говорить о внутритекстовом выражении образа автора.

Литература

1. *Брестский О.В.* Святой преподобномученик Афанасий, игумен Брестский// Материалы научно-богословской конференции «Памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского». Минск, 1997.
2. *Коршунов А.Ф.* Афанасий Филиппович. Жизнь и творчество. Минск.: Наука и техника, 1965.
3. *Левшун Л.В.* О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI-XVII веков. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2009.
4. *Мельников А.А.* Путь непечален. Исторические свидетельства о святости Белой Руси. Минск: Издательство Белорусская Православная церковь, 1992.
5. <http://devadnes.ru/category/svyatye-belarusi/afanasij-brestskij>
6. http://society.polbu.ru/kuskov_lithistory/ch02_all.html

Intertextual expression of author's image of "Diariush" by Afanasy Brestsky

Silina L.A.,

Candidate of Philological Sciences, Docent, Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, *l-silina@mail.ru*

The article reviews forms of expression of author's consciousness through analysis of intertextual means of expressing author's image, and also gives an idea of the world outlook and the role of Afanasy Brestsky in the context of his time.

Keywords: author's image, narration, publicism, world outlook.

References

1. *Brestskij O.V.* Svjatoj prepodobnomuchenik Afanasij, igumen Brestskij// Materialy nauchno-bogoslovskoj konferencii «Pamjati prepodobnomuchenika Afanasija, igumena Brestskogo». Minsk, 1997.
2. *Korshunov A.F.* Afanasij Filippovich. Zhizn' i tvorcestvo. Minsk.: Nauka i tehnika, 1965.
3. *Levshun L.V.* O slove preobrazhennom i slove preobrazhajushhem: teoretiko-analiticheskij ocherk istorii vostochnoslavjanskogo knizhnogo slova XI-XVII vekov. Minsk : Belorusskaja Pravoslavnaja Cerkov', 2009.
4. *Mel'nikov A.A.* Put' nepechalen. Istoricheskie svidetel'stva o svjatosti Beloj Rusi. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskaja Pravoslavnaja cerkov', 1992.
5. <http://devadnes.ru/category/svyatye-belarusi/afanasij-brestskij>
6. http://society.polbu.ru/kuskov_lithistory/ch02_all.html

Обзор Жития преподобной Евфросинии Полоцкой по материалам Волоколамского сборника № 632

Слуцкий Г.,

младший научный сотрудник сектора научно-исследовательских проектов и специальных программ Издательского совета Русской Православной Церкви, Москва, Россия.

Было исследовано «Житие преподобной Евфросинии Полоцкой» Из рукописного сборника из Волоколамского собрания рукописей (НИОР РГБ. Ф. 113. Волоч. Собр. №632), где приведена редакция, относящаяся к XVI в., впервые опубликованная в 1862 г. в «Памятниках старинной русской литературы», издаваемых Г.А. Кушелёвым-Безбородко. Однако в этом издании житие приведено не полностью, допущен ряд искажений оригинала, кроме того, там указано, что публикация осуществлена по списку «XVI века Троицкой лавры». Детальное изучение рукописи указывает на её принадлежность к собранию Иосифо-Волоцкого монастыря №632. В статье приведён текстологический анализ рукописи.

Ключевые слова: житие, рукописные списки, текстологический анализ, древнерусская письменность.

Для цитаты:

Слуцкий Г. Обзор Жития преподобной Евфросинии Полоцкой по материалам Волоколамского сборника № 632. [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Slutsky.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020205

For citation:

Slutsky G. The review of «The life of revend Evfrosinia Polotskaya» on the basis of the Volokolamsk Collection №632 [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2015, vol. 2, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Slutsky.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy). doi: 10.17759/langt.2015020205

Житие преподобной Евфросинии Полоцкой в том виде, который мы знаем, неоднократно изучалось и издавалось исследователями. В его основу ложились различные списки Жития XVI–XVII вв., которых насчитывается порядка 130. Оно также сохранилось в составе житийных сборников и Четьих Миней. Первоначальный текст Жития Евфросинии Полоцкой, согласно мнения архиеп. Филарета (Гумилевского), В. О. Ключевского, Е. Е. Голубинского, А. И. Соболевского, был создан еще в домонгольский период. Но до нас дошли более поздние списки Жития, среди которых наиболее ранним можно считать найденный Б. М. Клоссом список Жития со службой (ГИМ. Епарх. № 406), датируемый началом XVI в. Помимо этой рукописи особый интерес вызывает рукописный сборник из Волоколамского собрания рукописей (НИОР РГБ. Ф. 113. Волоч. собр. № 632).

Данная редакция Жития Евфросинии Полоцкой относится к XVI в. и была впервые опубликована в 1862 г. в «Памятниках старинной русской литературы», издаваемых Г.А.

Слуцкий Г.

Обзор Жития преподобной Евфросинии Полоцкой по материалам Волоколамского сборника № 632.

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 2. С. 30–35.

doi: 10.17759/langt.2015020205

Slutsky G.

The review of «The life of revend Evfrosinia Polotskaya» on the basis of the Volokolamsk Collection №632

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 2, pp. 30–35.

doi: 10.17759/langt.2015020205

Кушелевым-Безбородко. Следует отметить, что в этом издании, к сожалению, житие приводится не полностью, а также допущен ряд искажений относительно оригинала. Так, в издании допущено 15 пропусков (от отдельных слов до нескольких фраз) и около 30 искажений текста и произвольных перестановок слов [3]. Кроме этого в издании Кулешова Безбородко дается ошибочная атрибуция рукописного сборника, содержащего Житие прп. Евфросинии. В издании говорится, что публикация делается по списку «XVI века Троицкой лавры». Однако при детальном изучении рукописи становится понятно, что это рукопись из собрания Иосифо-Волоцкого монастыря №632. Путаницу здесь, вероятно, вызвало то, что этот сборник на тот момент входил в состав собрания Троице-Сергиевой Лавры, что видно по штампу на титульном листе рукописи «Библиотека Московской Духовной Академии» [2].

В 1888 году в Витебске под редакцией А.П. Сапунова на основе труда Кушелева-Безбородко выходит несколько дополненное житие Евфросинии Полоцкой, но все с теми же пропусками и ошибками в тексте и атрибуции.

Рассмотрим сам текст рукописи №632. Текст рукописи относится к первой половине XVI века. Житие прп. Евфросинии, содержащееся в этом сборнике, представляет из себя одну из так называемых вторых редакций Жития. Помимо Жития прп. Евфросинии, сборник содержит еще ряд Житий и представляет из себя вариант Четых Миней. Об этом свидетельствует заголовок, содержащий дату празднования того или иного святого, его имени и обращения к первенствующему на том или ином уставном Церковном мероприятии лицу. К примеру, богослужению или трапезе.

Сам текст Жития преподобной простирается с листа 206об. по 225об. (Рис.1) Начинается Житие расширенным названием, где упоминаются основанные ею монастыри и г. Полоцк. Днем памяти в этом списке является 24 мая «Месяца мая в 24 день. Повесть жития и преставления святыя и блаженныя и преподобныя Евфросинии, игуменьи манастыря Святаго Спаса и Пречистыя Его Матере, ижи в Полотьске граде. Благослови, Отче» [2]. Далее следует вступление, содержащее цитаты из Священного Писания, а также общую похвалу подвига преподобных. «Благословен Господь Бог Израильв, Бог Авраамов, Бог Исааков, Бог Иаковль, несть Бог мертвых, но живых. Праведнии бо и по смерти живи суть, яко же Соломон в притчах глаголет: "Праведници в веки живут, и от Господа мзда их, и строение их от Вышнего, сего ради примут венци из руки Господня", яко и бысть. Еже на предпошедша скажем, о сих же сице есть: "Снидетеса, сущии в пустынях и в горах, житиа аггельскаа имуще: стари не // Л. 206об. мощь отложьше, унии, яко елени, скачюще,- все снидетеса. Хошу бо вы представити трапезу от брашен сих, да ядше възвеселитеса душами вашими. Се бо есть трапеза нетлеющих брашен, не иже гортань услаждает и чрево насыщает, но душа веселяща и ум укрепляющи на подвиги добрых дел. Сия бо яди, братие, аще кто насытитса, не вжадает паки, якоже речено есть в Писаньи: "Не заморит Господь гладом душа праведных". Паки же на подлежащее найдем, о нем же начахом повесть сию. Вы же, <блазии> послушници, князи и боляре, и церковници, и честнии собори святых, сущии в манастырех, и простии люди, снидетеса на новое сие слышание и послушайте прилежно, отврзьше ушаса своя и умякчивши нивы // Л. 207 сердец ваших, примете семена многоспасенаго житья послушанием жены сея преподобныя, святыя подвиги ея и труд, и любовь, яже к Богу. Яже предоидуще скажем, како родися <или от коих родителей> и каго възпитася, или како възрасте, в кою ли меру потече в след жениха своего Христа, о сих сице есть.» [2].

Слущкий Г.

Обзор Жития преподобной Евфросинии Полоцкой по материалам Волоколамского сборника № 632.

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 2. С. 30–35.

doi: 10.17759/langt.2015020205

Slutsky G.

The review of «The life of revend Evfrosinia Polotskaya» on the basis of the Volokolamsk Collection №632

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 2, pp. 30–35.

doi: 10.17759/langt.2015020205

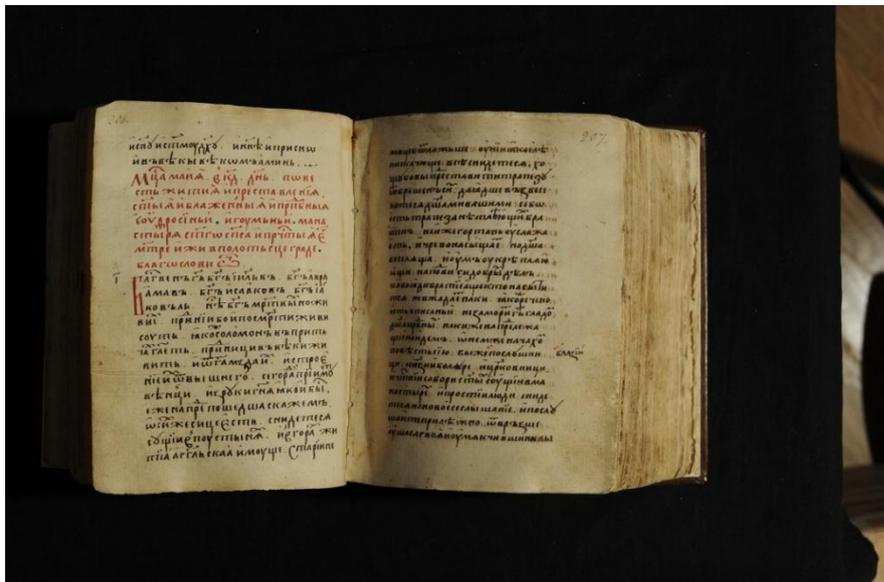

Рис.1. Начало текста Жития преподобной Евфросинии Полоцкой в Волоколамском сборнике № 632

Основную часть можно условно разделить на три части. В первой повествуется о рождении, крещении, воспитании и духовном возрастании Евфросинии (до вступления в монашеский чин Предславы). «Бысть князь в граде Полотске именем Всеслав, той имея сыновы многы. И беше у него меньший сын именем Георгий, от него же родися сии блаженнаа отроковица. Родителя же ея възрадовастя о рожестве ея со всеми домашними своими. И по днех неколицех повелеста крестити ю, и крестиста ю во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И питома бяше доилицею ея, дне от дне растяше отроковица, тело млеко растяше, а душа Святаго Духа наполняшеса.» [2]

Во второй рассказывается о принятии монашества, подвиге послушания и молитвы, вступлении в настоятельство Полоцкими монастырями. «И единою положися на сердци ея таково помышление, рече бо в себе: "Не се ли бы лучше всего жития сего было, да бых ся постригла в чръници, и была подо игуменьею, повинующися сестрам и учащися, како страх Божий утвердити в сердци своем и како течение скончати". Сия на уме своем положивши, и утаившися отца своего и матери и всех домашних, и иде в монастырь. В та же лета бяше княгини Романоваа игуменьею. Прииде // Л.209 к той, просящи прияти аггельскаго образа и причтатися ту сущим инокиням, и быти подо игом Христовым. Видевши же она блаженнаа жена юность и возраст цветущий оней, и смятеса, и нача телом утерьпати и сердцем ужасатися, и лицем на землю преклоньши, и восклоньшися, и возревши на юность ея, воздохну и прослезившися, глагола ей: "Чадо мое! Како могу се сотворити? Отец твой, уведев, со всяким гневом возложит вред на главу мою. И еще же юна еси возрастом, не можеша понести тяготы мнишескаго жытия. И како можеша оставити княжение и славу мира сего?" Отвещавши же блаженнаа отроковица: "Госпоже и мати! Вся видимаа мира сего красна суть и славна, но въскоре минуют, яко сон или цвет // Л. 209об. увядает; вечнаа же и невидимаа в веки пребывают, якоже Писание глаголет: око не виде, ни ухо слыша, ни на сердце человеку възиде, еже уготова Бог любящим Его . Или отца моего ради не хочеша мене острищи? Не бойся, госпоже моя; убойся Господа, владеющаго всею тварию, и не отлучи мене от аггельскаго чина". Блаженнаа же княгини удивившеса разуму отроковица и любви ея, яже к Богу, повеле воли ея

Слуцкий Г.

Обзор Жития преподобной Евфросинии Полоцкой по материалам Волоколамского сборника № 632.

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 2. С. 30–35.

doi: 10.17759/langt.2015020205

Slutsky G.

The review of «The life of revend Evfrosinia Polotskaya» on the basis of the Volokolamsk Collection №632

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 2, pp. 30–35.

doi: 10.17759/langt.2015020205

быти. И огласив ю иерей, и остриже ю, и нарече имя ей Евфросиния, и обличе ю в черныя ризы, и благослови ю игумения благословением святых отец, и рече ей: "Буди чадо, последствующи преже тебе бывшим женам Февронии и Еупраксии и инех множество, иже Христа ради пострадаша, и Господь Бог даст ти победу и силу на супротивника нашего диявола". И тако ей // Л. 210 рекши, отпусти ю в келию свою.»[2]. Этот эпизод говорит о великом разуме юной Евфросии. Будучи от роду 12-ти лет она прекрасно обосновывает свое желание вступить в монашество, что вызывает своими ответами слезы игумении и та разрешает постричь ее. Живя в монастыре и совершенствуясь в послушании преподобная Евфросиния понимает, что хочет более строгого подвига и испрашивает благословения Полоцкого епископа Илии пребывать в уединении. «И пребывши неколико время в манастыри, и потом проси у епископа сущаго тогда, нарицаемаго Илью, правящаго стол святое Софеи в Полотъске, дабы ей велел ту пребыти в церкви святей Софеи в гольбци камене. И повеле ей, да пребывает ту.»[2]. Пребывая в уединении, святая Евфросиния возложила на себя подвиг поста и занималась переписыванием книг. Однажды во сне ей явился Ангел Господень, перенес ее на место называемое Сельцо и повелел ей оставить уединение и основывать здесь монастырь. Подобное же чудо произошло и епископом Илией, которому явился тот же Ангел и повелел поставить Евфросинию игуменией в новом монастыре.

Третью часть можно условно определить периодом ее хождения в Константинополь и Святую Землю, блаженной кончиной и погребением. Здесь рассказывается о ее встрече по пути в Святую Землю с императором Мануилом, шедшим в Венгрию. Интересно, что он воздал честь преподобной и направил ее в Константинополь, где ее благословляет Константинопольский Патриарх, дает ей богадые дары. «О дивное чудо! Не бывавши ни в коей стране, ни во граде, ни в селе; ныне же, взявши мужескую крепость, премину вся грады и власти и примаше от всех князей честь велику. И тако пришедши в страны, и срете ю царь, идый на Угры, с великою честию посла ю в Царьград. Она же, пришедши, и вшедши в великую церковь Святыя София, и поклонися та же и всем Божиим церквам, и благословися от патриарха, и покупивши различныя фимияны и кадьлицу злату, и иде во Иерусалим»[2]. В Иерусалиме она поклоняется Святым местам, посещает монастыри и вскоре заболевает и после болезни, продолжавшейся в течение 24 дней, предала дух Господу. Согласно этому списку Жития преподобной Евфросинии смерть ее наступила 24 мая (по юлианскому календарю).

Завершается Житие пространной похвалой прп Евфросинии: «Кым убо языком, братие, достоит ми похвалити светозарную память преблаженныя невесты Христовы Евфросиние! Бяшет бо помощь //Л.224об. ница обидимым, скорбящим утешение, нагим одение, больным посещение, и спроста рещи, всем всяка бысть. Евфросиния убо сердце свое напаяше Божия премудрости. Евфросиния неувядающий цвет райскаго сада. Евфросиния - небопарный орел, попарившия от запада до востока, яко луча солнечнаа, просветившия землю Полотъскую. Тем же, братие, хвалитя Селунь о святом Димитрии, а Вышегород мученикома Борисом и Глебом; аз же хвалюся: блажен сей ты, граде Полоцкий, такову леторасль возрастивый - преподобную Евфросинию. Блажени людие, живущеи во граде том. Блажени родители твои, блажена утроба, от неяже изыде преподобнаа госпожа Евфросиния. Блажено рожество ея, блажено воспитание ея, блажен // Л. 225

и возраст ея, Евфросинии достохвалныя. Блажен труд твой и подвижи, яже к Богу. Блажен и манастырь твой, блажени и живущии в манастыри Святаго Спаса и Святыя Богородица. Блажени людие, послужившеи тебе. Но, о преблаженная невеста Христа Бога нашего, молися к Богу о стаде своем, еже еси совокупила о Христе, яко Тому подобает всяка слава, честь и поклоняние с Отцем и со Святым Духом ныне и присно и в веки веком. Аминь» [2].

Слуцкий Г.

Обзор Жития преподобной Евфросинии Полоцкой по материалам Волоколамского сборника № 632.

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 2. С. 30–35.

doi: 10.17759/langt.2015020205

Slutsky G.

The review of «The life of revend Evfrosinia Polotskaya» on the basis of the Volokolamsk Collection №632

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 2, pp. 30–35.

doi: 10.17759/langt.2015020205

Таково вкратце содержание Жития преподобной матери нашей Евфросинии, игуменьи Полоцкой описанное в рукописи Волоколамского сборника № 632.

Литература

1. Библия; РБО . Москва, 1999. -722 с.
2. НИОР РГБ. Ф. 113. Волоч. собр. №. 632. Л. 206об.-225об.
3. *Клосс Б.М.* Житие Евфросинии Полоцкой: проблемы изучения и издания // <http://tnu.podelise.ru/docs/index-295918.html> дата обращения 01.06.2015.
4. *Мельнікаў А.А.* Кніга жыццй і хаджэнняў. Уклад. Мн., 1994. С. 25-41.

Слуцкий Г.
Обзор Жития преподобной Евфросинии Полоцкой по
материалам Волоколамского сборника № 632.
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 2. С. 30–35.
doi: 10.17759/langt.2015020205

Slutsky G.
The review of «The life of revend Evfrosinia Polotskaya»
on the basis of the Volokolamsk Collection №632
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 2, pp. 30–35.
doi: 10.17759/langt.2015020205

The review of «The life of revend Evfrosinia Polotskaya» on the basis of the Volokolamsk Collection №632

Slutsky G.,

Research Assistant, Editorial Board of Russian Orthodox Church, Moscow, Russia.

«The life of revend Evfrosinia Polotskaya» taken from the handwritten collection №632 was investigated using the XVI version of the book, first published in 1862 in “Memorials of ancient Russian literature”, the publisher is G.A. Kushelev-Bezborodko”. But in this redaction the book isn’t published completely, a lot of distortions were made, moreover, it’s mentioned, that publication of the book was made on the basis of the list of XVI century of Troyatskaya lavra. Studying manuscript in details gives an idea that it belongs to Iosifo-Volotsky monastery collection №632. The article gives textual analysis of manuscript.

Keywords: life, handwritten lists, textual analysis, ancient writing.

References

1. Biblija; RBO . Moskva, 1999. -722 p.
2. NIOR RGB. F. 113. Volok. sobr. №. 632. L. 206ob.-225ob.
3. *Kloss B.M.* Zhitie Evfrosinii Polockoj: problemy izuchenija i izdanija // <http://tnu.podelise.ru/docs/index-295918.html> Accessed 01.06.2015.
4. *Mel'nikaĭ A.A.* Kniga zhycij i hadzhjennjaĭ. Uklad. Mn., 1994. pp. 25-41.

Методика изучения и интерпретации медиатекстов в контексте обучения РКИ

Цыкунов И.В.,

магистрант, факультет "Иностранные языки", ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
artefakt@yandex.ru

В статье анализируется практика обучения иностранных студентов РКИ на материале средств массовой информации и предлагается модель изучения материалов масс-медиа, описывающая базовые лингвистические и экстралингвистические параметры медиатекста. Автор предлагает рассматривать каждый текст как системное единство трех уровней (контекст-текст-подтекст), позволяющее адекватно интерпретировать сообщения средств массовой информации, а также развивать языковое чутье и компетенции обучающихся.

Ключевые слова: РКИ, медиатекст, средства массовой информации, межкультурные коммуникации, лингвострановедческие компетенции, методики анализа текстов, контекст-текст-подтекст, методики изучения языка, языковая картина мира, приемы манипулирования массовым сознанием, эксплицитные интенции, имплицитные интенции.

Для цитаты:

Цыкунов И.В. Методика изучения и интерпретации медиатекстов в контексте обучения РКИ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Tsykunov.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020206

For citation:

Tsykunov I.V. The methods of study and interpretation of media texts in the context of teaching Russian as a foreign language [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2015, vol. 2, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Tsykunov.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy). doi: 10.17759/langt.2015020206

Трехуровневый подход к анализу медиатекстов

При обучении иностранцев русскому языку возникает необходимость в инструментах, позволяющих адекватно интерпретировать языковые явления. Одним из способов знакомства с культурой, историей, политикой страны изучаемого языка всегда было чтение публикаций средств массовой информации. Существуют разнообразные подходы, разработанные в рамках формирования лингвострановедческой компетенции. Современные хрестоматия и учебные пособия по РКИ включают в содержание медиатексты. Но в большинстве случаев это специально отобранные и адаптированные материалы. В случае же углубления компетенции обучающихся в освоении языка и понимания особенностей межкультурной коммуникации, возникает необходимость включения в курс неадаптированных источников информации. Задача данной публикации предложить методику всестороннего анализа медиатекстов, предполагающую наиболее полное и адекватное понимание изучаемого материала.

Если на первых уровнях изучения языка базовыми критериями подбора обучающего текста являются его актуальность для учащегося и легкость восприятия, то на последующих этапах – общественная актуальность и аутентичность.

Рекомендуемыми требованиями к учащимся в освоении текстов (от элементарного уровня до второго сертификационного уровня) являются:

1. Понять общего содержания текста (Элементарный уровень)
2. Понять тему (Элементарный уровень)
3. Понять основную информацию текста и его важные содержательные детали (Элементарный уровень)
4. Понять основную идею текста (Базовый уровень)
5. Понять дополнительную информацию текста (Базовый уровень)
6. Интерпретировать информацию текста, выводы и оценки автора (1 сертификационный уровень)
7. Представлять логическую схему развертывания текста (2 сертификационный уровень)
8. Уметь читать художественную литературу: определять способ общения, сопричастность автора, выражать свое отношение к прочитанному (2 сертификационный уровень) [1]

Данная схема хорошо вписывается в практику обучения РКИ, однако требует некоторых дополнений. В восприятии и оценке медиатекста (в отличие от художественного) есть специфические особенности, учет которых помогает их адекватной интерпретации.

Так, любой медиатекст имеет многоуровневую структуру. Помимо той информации, что в нем предъявлена эксплицитно и прагматически обоснована, существует еще имплицитный уровень, зачастую в неявном виде транслирующий фоновую оценочную информацию, а, кроме того, и имеют значение обстоятельства появления публикации. Именно с учетом данных особенностей предлагается обратить внимание обучающихся на разноразностность и многозначность медийных текстов и дать схему их оптимального анализа.

Итак, обратим внимание на следующие аспекты: любой медиатекст может быть оценен по трем базовым позициям:

- с точки зрения внеязыкового контекста (далее **«Контекст»**);
- как эксплицитный текст (далее **«Текст»**), содержащий лексические и синтаксические единицы, представляющий очевидную поверхностную информацию о зафиксированных публикацией событиях и объектах.
- как имплицитный текст (далее **«Подтекст»**), отражающий неявную, скрытую от непосредственного восприятия информацию или модальные характеристики публикации.

Адекватная интерпретация текста возможна только с учетом всех базовых позиций (обозначим их кратко – КТП). Только поверхностное восприятие на уровне анализа простых лексических единиц может сильно исказить смысл текста как высказывания. Один известный переводчик часто приводил в пример своего американского коллегу, любившего использовать идиоматические выражения и проважавшего российскую делегацию фразой «скатертью дорожка». В буквальном понимании она представляется позитивной, но контекст ее употребления меняет смысл на противоположный.

В данное время специалисты выделяют несколько базовых видов анализа текста: метод лингвистического анализа, метод контент-анализа, метод дискурсивного анализа (дискурс-анализ), метод критической лингвистики (critical linguistics), метод лингвистической экспертизы медиатекста, когнитивный анализ, метод лингвокультурологического анализа, метод лингвистического анализа [4]. Предложенный метод использует элементы лингвистического, лингвокультурологического, дискурсивного и медиалингвистического анализа. С одной стороны, мы изучаем медиатексты традиционными лингвистическими способами (семантика, стилистика, синтаксис, морфология), с другой стороны, концентрируемся на типичном для дискурс-анализа [5] внимании к экстралингвистическим – прагматическим, социокультурным, психологическим и другим факторам, прекрасно

выраженным фразой «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь». В конце концов, именно в рамках дискурс-анализа известный голландский ученый Т. ван Дейк подготовил такие классические работы, как «Анализ новостей как дискурса» и «Структура новостей в прессе». Метод критический лингвистики нам интересен прежде всего постановкой вопросов (L. Masterman) о значимости учета влияния на интерпретируемый текст не только непосредственных авторов, но и владельцев СМИ, формирующих информационную политику издания, а также об определяющей роли ценностных ориентаций создателей и трансляторов медиатекста. Лингвокультурологический и медиалингвистический подходы только формируются в качестве самостоятельного направления, но именно их ориентация на контекстность и медийность особо ценны.

Критерии отбора публикаций для уроков РКИ

Для полноценного раскрытия особенностей представляемой здесь методики КТП-анализа медиатекста важен строгий отбор публикаций. Желательно, чтобы они отвечали следующим требованиям:

- достаточный объем, не слишком длинный для восприятия и не слишком короткий, чтобы была возможна углубленная интерпретация;
- яркие лингвистические характеристики, позволяющие исследовать модальность текста в ее разнообразных проявлениях;
- значимое авторство, представляющее интерес с лингвострановедческой точки зрения (известные писатели, поэты, режиссеры, политики и общественные деятели);
- культурно-историческая значимость, позволяющая по возможности непротиворечиво восстановить исторический контекст появления материала.

Таковыми особенностями, как правило, отличаются медийные выступления известных и статусных людей. Для анализа подойдут как тексты непосредственно ими написанные, так и публичные выступления, подготовленные с минимальным участием спичрайтеров. Главное, чтобы медиатекст представлял собой развернутое высказывание со всеми характеристиками полноценного текста (структурой, законченностью, полнотой).

Последовательность реализации КТП-анализа

Текст с учетом очевидного дидактического подхода желательно анализировать поэтапно, раскрывая значение каждого уровня, с последующей интеграцией найденных значений медиатекста. Выделим семь базовых этапов, с которыми нам предстоит знакомить обучающихся.

1. Уровень контекста (К)

Первый этап – описание контекста (историческая ситуация, участвующие субъекты, события, непосредственно предшествующие появлению текста, прагматические цели участников).

Второй этап – выявление экстралингвистических характеристик текста (принадлежность медиа, авторство текста, время публикации, месторасположение и рубричное обозначение медиатекста и т.п.)

Третий этап – проверка восприятия текста обучающимися. Реализуется в три этапа: чтение текста – изложение понятого содержания – дискуссия по итогам прочитанного.

2. Уровень текста (Т)

Четвертый этап – провести лексический разбор текста. Важно отметить неизвестные обучающимся слова и разъяснить их значение, для некоторых из слов дать историческую справку

Пятый этап – выделить слова, имеющие яркие экспрессивные (модальные)

характеристики, определяющие личное отношение автора к описываемым явлениям.

3. Уровень подтекста (II)

Шестой этап – выделение в тексте базовых пресуппозиций, представляющих собой допущения, постулаты, убеждения, не выраженные эксплицитно, но присутствующие в тексте и влияющие на его восприятие.

Седьмой этап – построение на базе пресуппозиций семантической модели, транслируемой медиатекстом, и обобщение полученной информации.

Обучающиеся составляют итоговое резюме, в котором фиксируются позиции «текст-подтекст-контекст» и основные выводы из интерпретируемого медиатекста. Такой подход позволяет выработать навык анализа публицистики, выявления базовых смыслов исследуемого текста в хорошо понимаемом социальном контексте. Вероятно, в таком подходе нуждаются не только иностранцы, изучающие русский язык, но и те, для кого он родной. Способность критического восприятия транслируемой СМИ информации в наше время важнейший социальный навык.

Обучение методике считается законченным, когда ученик самостоятельно проводит анализ медиатекста, последовательно проходя обозначенные выше этапы. Со временем такой анализ становится навыком, который уже не требует строгого следования алгоритму.

Языковая картина мира и медиатекст

При объяснении модели анализа медиатекста важно дать учащимся объяснение фактам и представлениям, которые не согласуются с их собственными. Очевидно, что рассогласование в оценке событий приводит к выводу, что медиатекст транслирует ложную информацию и, как иногда представляется читателю, происходит это намеренно. И тут важно сослаться на понятие языковой картины мира, открытое В. фон Гумбольдтом [2] и глубоко разработанное представителями американской этнолингвистики Э. Сепиром (E. Sapir) и Б. Уорфом (B. Whorf). По мнению Э. Сепира, «мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [6]. В свою очередь, Б. Уорф подчеркивал, что наш «мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но захватывает даже наши собственно подсознательные процессы» [7]. По гипотезе Сепира-Уорфа, мы интерпретируем мир в соответствии с нашими установками, к которым сами часто не имеем доступа. Тем не менее иногда эти «искажения» осуществляются вполне осмысленно с целью манипулирования воспринимающим текст.

Выявление интенций в тексте

При анализе подтекста важно понимать, каким образом мы выделяем эксплицитные и имплицитные интенции. Под интенциональностью текста понимается оценка или убеждение, выраженные в неявном виде. Различают прямолинейную интенциональность (наивную, т.е. выраженную прямолинейно), или, как ее еще называют, первичную, и завуалированную (со сложной лексической структурой), определяемую как вторичную. Вторичная интенция выявляется с помощью специальной процедуры [8]. Анализ построен на том, что интенция всегда направлена на некоторый объект и выражается к чему- или кому-либо, а также к предмету, явлению, теме. Интенция выражена позитивной или негативной модальностью

Примеры негативной интенции – порицание, осуждение, негативная оценка, угроза. Примеры позитивной интенции – поддержка, одобрение, поощрение, положительная оценка. Интенции выделяются экспертным образом. Однако в нашем случае достаточно интуиции простого учащегося. В качестве примера приведем знаменитый текст Н.С. Хрущева «Догоним и перегоним Америку». Контекст очевиден. Сам текст следует ниже:

Н.С. Хрущев: Вы сейчас идете впереди нас.

Переводчик: For the moment, you are ahead of us.

Н.С. Хрущев: Нам еще надо хорошенько поработать и попотеть, чтоб вас догнать.

Переводчик: We still have a lot of work to do to catch up with you.

Н.С. Хрущев: Приналяжем!

Переводчик: We'll do that. We'll do our best.

Н.С. Хрущев: Догоним!

Переводчик: We'll catch up.

Н.С. Хрущев: Обгоним!

Переводчик: We'll surpass you.

Н.С. Хрущев: И вперед пойдём.

Переводчик: And we'll go forward.

Н.С. Хрущев: Это мое убеждение.

Переводчик: That's my conviction.

Н.С. Хрущев: Вы можете смеяться над этим! Но посмеетесь, когда мы, знаете, обгоним вас и скажем "Господа капиталисты! До свидания. Наш поезд сюда идет. Пожалуйста, за нами!" (смех в зале)

Переводчик: You may perhaps laugh now. But when we overtake you, we'll wave our hands and say "Capitalists! Good bye. Our train is going ahead. Catch up if you can!" [9]

Первичные интенции:

«Они»

1. Америка опережает СССР
2. СССР ставит задачей обогнать Америку
3. Хрущев верит, что это получится

«Мы»

1. СССР слабее Америки
2. СССР может обогнать Америку
3. Для победы необходимо интенсивно трудиться

Вторичные интенции:

«Они»

1. Слишком сильны экономически и поэтому опасны
2. Они могут смеяться над нами
3. Они капиталисты, а мы коммунисты, но проигрываем борьбу систем

«Мы»

1. Нам не нравится, что над нами смеются
2. Мы движемся в одном направлении
3. Мы напряжем все силы и сверхсилы, чтобы догнать

Основная интенция, скрытая в тексте, – СССР не воспринимает Америку как военную угрозу, а готов вступить в экономическое соревнование двух политических систем.

Способы модификации медиатекста

Для КТП-анализа важно выделить приемы формирования подтекста. Часть их исследована в рамках различных направлений лингвистики. Тут можно сослаться на обзор исследований по этой тематике и анализ лингвистических инструментов, сделанный Даниловой А.А. [3]. Автор обзора выделил приемы манипулирования, реализуемые через

медиатекст. Мы, в свою очередь, структурируем их в соответствии с позициями модели КТП:

КОНТЕКСТ

Экстралингвистически мотивированная позиционная замена, основанная на разрыве сигнификативно-денотативной связи, нарушении предметной соотнесенности знака: денотату приписывается новый сигнификат; номинация одушевленного референта неодушевленным существительным; изменение ассоциативного ряда путем манипулирования контекстом.

Структурно-композиционное построение дискурса – порядок и взаимосвязи тех или иных семантических единиц в тексте (расположение статей, характер заголовков и подзаголовков, иллюстраций).

ТЕКСТ

Лексико-семантическая вариативность (синонимия) – неоправданный выбор из семантического поля слова наиболее удаленного по смыслу от семантического ядра, но «близкого» к целям манипулятора значения.

Упрощение – изложение события примитивизирующим и редуцирующим смысл высказывания образом.

Введение исторических параллелей через имена собственные для создания негативной коннотации и подмены понятий.

Пассивизация перформатива – замалчивание агенса через введение неопределенно-личных и безличных конструкций

Эвфемизмы и дисфемизмы, основанные на устойчивых изменениях семантического поля слова.

Овеществление – приравнивание к неодушевленным предметам людей и событий.

Использование денотативно свободных слов, так называемых «слов-амеб», «идеологем», таких как «толерантность», «свобода», «прогресс».

Повтор – риторические фигуры, построенные на повторе (реприза, плеоназм, анафора и пр.).

ПОДТЕКСТ

Изменение ассоциативного поля слова – искусственная замена в массовом сознании одной ассоциации на другую.

Псевдодействия, конструируемые СМИ с помощью лексико-грамматических средств и их бесконечного повторения.

Метафоры – подмена рационально обоснованного суждения иррациональным.

Мифы – устойчивые убеждения, претендующие на статус истинного суждения.

Введение эксперта – введение адгерентных коннотаций: достоверность, точность, правильность.

Субъективная модальность – представление события как реального или ирреального в зависимости от интенций первого коммуниканта.

Перенос смыслового акцента – вместо положения, требующего доказательства (ассерции), аргументируется очевидное положение (пресуппозиция).

Штампы (универсальные истины) – маскировка ассерции под пресуппозицию, которая часто является ложной.

Параллельные конструкции – искусственное разделение плана выражения и плана содержания.

Подмена аргумента – разрыв логической цепи, предопределение результата, который сам нуждается в доказательстве.

Данные приемы характерны для пропаганды и присутствуют в том или ином виде практически во всех медиатекстах. Мы не будем забывать, что прагматическая цель любого публицистического текста – воздействие на аудиторию. Однако переход от информирования к формированию картины мира аудитории всегда приводит к существенному искажению передаваемых сведений и, в конце концов, к диффамации. В нашем случае важно, чтобы человек, изучающий язык, понимал основу создания медиатекстов и отличал разные виды информирования от приемов манипулирования.

Возможности использования модели КТП

Использование при обучении иностранцев модели КТП (контекст-текст-подтекст) позволяет расширить языковые навыки студентов за счет фиксации дополнительных лингвистических и экстралингвистических параметров медиатекста и понимания взаимодействия уровней его интерпретации. Методика может применяться на последних ступенях обучения, когда совершенствуются навыки свободного владения языком и формируются важнейшие лингвострановедческие компетенции. Последовательное изучение алгоритма анализа текстов средств массовой информации позволяет более адекватно воспринимать информацию, делая поправку на приемы манипулирования и очевидные искажения, характерные для политического дискурса.

Литература

1. *Ганопольская Е.В.* Адаптация текстов для чтения на различных уровнях владения языком Вебинар 21.03.2013: <http://199.116.250.222/video/112/841MiSK0g2IIFx.mp4>
2. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. – М., 200. С.82
3. *Данилова А.А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации. 3-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство КДУ», 2014. – 232. – С. 205-212.
4. *Кузьмина Н.А.* Современный медиатекст. –М: ФЛИНТА, 2013. – С. 37-44.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136
6. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии». – М., 1993. – С. 261
7. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку// Зарубежная лингвистика. 1. – М., 2002. – С. 85.
8. *Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д.* Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. – СПб.: Алетейя, 2000, с. 40 – 67.
9. *Хрущев Н.С.* Догоним и перегоним Америку: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=khrushev>

The methods of study and interpretation of media texts in the context of teaching Russian as a foreign language

Tsykunov I.V.,

Master student, Faculty of Foreign languages, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia.

The article analyses the practice of teaching Russian as a foreign language on the basis of media materials and offers a model of studying mass media materials, describing basic linguistic and extralinguistic options of media text. Author offers to review every text as organized unity of three levels (context-text-subtext), giving an opportunity to interpret mass media messages and develop linguistic intuition and student's competence.

Keywords: Russian as a foreign language, media text, mass media, cross-cultural communication, the methods of text analysis, context-text-subtext, the methods of studying language, linguistic world outlook, the ways of manipulation of mass consciousness, explicit and implicit intentions.

References

1. *Ganapol'skaja E.V.* Adaptacija tekstov dlja chtenija na razlichnyh urovnjah vladenija jazykom Vebinar 21.03.2013: <http://199.116.250.222/video/112/841MiSK0g2IIIFx.mp4>
2. *Gumbol'dt V.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – M., 200. S.82
3. *Danilova A.A.* Manipulirovanie slovom v sredstvah massovoj informacii. 3-e izd. – M.: «Dobrosvet», «Izdatel'stvo KDU», 2014. – 232. – pp. 205-212.
4. *Kuz'mina N.A.* Sovremennyj mediatekst. –M: FLINTA, 2013. – pp. 37-44.
5. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'.* – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. – pp.136
6. *Sepir E.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii». – M., 1993. – pp. 261
7. *Uorf B.* Otnoshenie norm povedenija i myshlenija k jazyku// Zarubezhnaja lingvistika. 1. – M., 2002. – pp. 85.
8. *Ushakova T.N., Pavlova N.D.* Slovo v dejstvii. Intent-analiz politicheskogo diskursa. – SPb.: Aletejja, 2000, pp. 40 – 67.
9. *Hrushhev N.S.* Dogonim i peregonim Ameriku: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=khrushev>

Средневековые погребальные памятники Верхней Волги в работах А.А. Спицына¹

Жукова Е.Н.,

кандидат исторических наук, доцент Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия, p000401@mail.ru.

В работе анализируется точка зрения А.А. Спицына по вопросу выделения хронологических этапов погребальных памятников и процесса славянской колонизации территории Верхней Волги.

Ключевые слова: археологические памятники Тверской области, Спицын А.А., историография археологии.

Для цитаты:

Жукова Е.Н. Средневековые погребальные памятники Верхней Волги в работах А.А. Спицына [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Zhukova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020207

For citation:

Zhukova E.N. Middle age funeral memorials of the Upper Volga in A.A. Spitsyn's works [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2015, vol. 2, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Zhukova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy). doi: 10.17759/langt.2015020207

Все работы, так или иначе связанные с древностями Тверской губернии, можно разделить на статьи, посвященные отдельным категориям средневековых памятников (курганам, сопкам, жальникам), работы обобщающего характера с систематизированным материалом по региону, а также публикации отчетов собственных раскопок и редактирование отчетов других исследователей Тверского Поволжья. К ним относятся опубликованные [11] и неопубликованные [8] работы.

А.А. Спицыным были выделены, как отдельный тип погребальной обрядности, длинные курганы. В разных работах он с оговорками дает широкую дату этим древностям – VI–IX вв. [8, л. 6]. Не решился автор окончательно определить и этническую принадлежность памятников, оставив этот вопрос открытым – «Трудно допустить, чтобы эти курганы были русские или литовские, и поэтому их приходится приписывать финнам, но вопрос этот еще не решен» [8, л. 22]. Наиболее удачно эта проблема была исследована при ретроспективном анализе подобных памятников на территории северо-запада России. Тверские длинные курганы тяготеют к западным районам России. Предположение Спицына об их псковском [7, л.6] и смоленском [10, с. 1] происхождении и принадлежности кривичам [14, с. 198] являлось наиболее близким к действительности, хотя вопрос об этнической принадлежности носителей этой культуры до

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Администрации Тверской области научного проекта №15-11-69002 «Археология Тверской губернии в работах А.А.Спицына».

настоящего времени является дискуссионным [1]. Идентичность обряда погребения – трупосожжение в длинных и круглых курганах, составляющих единые погребальные комплексы западных и северо-западных районов губернии, навело Спицына на мысль об одновременности их существования и, следовательно, принадлежности к одной археологической культуре.

При систематизации погребальных памятников А.А. Спицын выделил еще один тип курганов с трупосожжениями, высотой – 0,5 м, диаметром – 4-6 м. «Эти курганы еще не вызвали специального внимания и исследования, так как обнаруживаются лишь случайно и в небольшом количестве в перелесках; их трудно заметить» [8, л. 23]. Данное замечание до настоящего момента весьма актуально. Такие курганы полностью не изучены и в целом обойдены вниманием современных исследователей.

Предложенные А.А. Спицыным признаки погребальной обрядности новгородских словен – высокие насыпи с трупосожжениями [13, с. 142], нашли свое признание в современной историографии. Подобные памятники на территории Тверской области распространены в бассейнах Мсты, верховьях Волги и Селигера, а также в районе Бежецка и Весьегонска. Придерживаясь идеи о влиянии норманнов на историческое развитие Древней Руси, А.А. Спицын относил сопки с трупосожжениями к норманнским (VIII-IX вв.) и русско-норманнским (IX-X вв.) древностям. Эти погребальные сооружения ученый соотносил с памятниками подобного типа в Новгороде, Смоленске, Чернигове и Киеве, расположенными, главным образом, по путям сообщений [8, л. 24]. «Раскопка таких курганов у погоста Бежецы обнаружила там трупосожжения с хорошими вещами норманнских типов X в., а именно с поясными бляшками, покрытыми скандинавским плетеным орнаментом» [8, л. 27]. Одним из признаков влияния норманнов на материальную культуру Древней Руси А.А. Спицын называл специфические горшки «...умеренной, а иногда очень значительной величины ... в виде вазы с слабо выраженной шейкой, из глины с густой примесью дресвы, так что поверхность их становится очень шероховатой» [8, л. 27]. Доводя свою идею до логического завершения, Спицын предположил существование небольших норманнских городов на путях сообщений – реках Мсте и Мологе.

В работе 1899 г., посвященной расселению славянских племен [12], А.А. Спицын определил принадлежность населения Верхней Волги к северной группе славян, племени кривичей. Ученому удалось выделить хронологические периоды древнерусских погребальных памятников на территории Верхней Волги. Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным для исследователей. Вариабельность погребального обряда данного периода как в отдельно взятых археологических памятниках, так и в целом на территории региона, дает возможность для различных классификационных построений. Всего было предложено 4 схемы, включая работу Спицына 1921 года. Александр Андреевич предложил разделить курганные древности на два хронологических этапа: XI-XII вв. и XII-XIII вв., при этом были учтены региональные отличия на территории губернии: верховья Волги и Селигера, Ржевско-Корчевской и Бежецко-Вышневолоцкий регионы. Автором были выделены хронологические признаки погребальной обрядности (захоронения на материке, в грунтовой яме, в насыпи), а также набор украшений и сопроводительный инвентарь. Наиболее показательным признаком при этом выступает размер височных колец (рис. 1).

Рис. 1. Браслетообразные височные кольца с остатками кожи и волос. Избрижье-1 (Тверская область).

В хронологическом и территориально-культурном проявлении исследователь различает браслетообразные с завязанными концами височные кольца, а также средних размеров и малые (в современной терминологии перстнеобразные) с заходящими и несомкнутыми концами. Свои выводы автор сделал на основе изученных им материалов более чем 547 раскопанных курганов из 61 местности с курганными группами. В 1949 г. Т.Н. Никольская [4] вслед за Спицыным делит древнерусский период Верхней Волги на 2 этапа, внося уточнение лишь в рубеж периодов – середина XII вв. Исследовательница пошла по пути уменьшения привлечения данных раскопанных курганов и курганных групп (с территории Калининской области по данным сводной таблицы были использованы материалы 48 курганов из 11 курганных групп дореволюционных раскопок) и очень детального изучения вещевого комплекса погребений. Однако датирующие материалы и выбранный мной для сравнения различных классификаций признаков – височные кольца – совпадают с выводами А.А. Спицына. В конце XX в. хронологические построения Верхневолжских средневековых древностей были проведены на основе материалов одного из наиболее подробно изученных памятников – Избрижского курганного некрополя – Е.В. Скукиной [6] и Ю.В. Степановой [15]. В работе Ю.В. Степановой прослеживается тенденция, впервые отмеченная Спицыным, о смене в хронологическом порядке погребений на горизонте погребениями в подкурганных ямах и, в частности, увеличения их глубины, а также уменьшения со временем диаметра височных колец, и, в целом, сокращения, в количественном выражении, вещевого комплекса погребений. Таким образом, обобщенные построения А.А. Спицына на основе обширных материалов, сделанные в начале XX в., нашли свое подтверждение в современных более детальных исследованиях.

По концепции А.А. Спицына, верхневолжский регион в пределах Тверской губернии являлся своеобразным транзитным путем для славянской колонизации: «Устроители Суздальской земли ... одинаково радушно принимали поселенцев отовсюду ... но ... главный приток свежего населения области шел через верховья Волги из страны кривичей как от

Днепра, так и от Двины, так как Вазуза и Зубцов давали наилучший выход с юга России на Волгу...» [10, с. 5]. Вследствие этого данная территория являлась окраинными землями соседних крупных этнических формирований: «Теоретически можно предполагать, что русские курганы XI-XII вв. в Осташковском у. должны быть псковского типа, по Мсте и Мологе – новгородского, по Медведице и Тверскому течению Волги – суздальского, с примесью иного элемента, напр. Смоленского» [7, л. 12].

Для XII-XIII вв. А.А. Спицын выделил так называемые Тверские древности, указывая, что это «...есть не что иное, как переработка смоленских, т.е. это курганы Смоленского типа XII-XIII в.» [8, л. 31] Территориально они расположены в Старицком, Тверском и Корчевском уездах. Северные и северо-западные районы губернии в этот период продолжают испытывать влияние новгородских культур. Это характерные грунтовые погребения Федовского могильника в Вышневолоцком уезде, и более поздние жальничные погребальные комплексы, распространенные в Осташковском, Вышневолоцком и Весьегонском уездах. Опираясь на сводку сведений В.А. Плетнева, А.А. Спицын делает попытку не только выделить жальничные погребения, но и подчеркивает значение перечисленных в Археологической карте губернии старых или заброшенных кладбищ, «...что дает возможность точно определять местоположение пустошей, а это имеет большое значение для вопроса о колонизации края, почему сведения о жальниках и старых кладбищах должны быть подвергаемы неременной регистрации» [8, л. 42].

В связи с погребальными сооружениями позднего средневековья Александр Андреевич занимался исследованием крестов и могильных плит. Интерпретация изображений на камнях, собранных в Тверском музее, определяет их функциональную нагрузку – либо это часть погребального комплекса, либо пограничный знак. Интересна трактовка изображения вписанных друг в друга квадратов и имени «СТЕПАН» на плите, найденной Ф.Н. Глинкой в 1835 г. по одним сведениям в имении Прудово (погост Михаила Архангела) [5, с. 453; 2, л. 2], по другим – в расположенном поблизости с. Кузнецово [9, с. 226-228] Бежецкого уезда (рис. 2). По палеографическим особенностям надписи Спицын датировал ее XIV-XV вв., а орнамент определил как «... фигуру для игры в мельницу, известную едва ли не с XII в. и доселе распространенную на западе» [9, с. 226-228]. Данная трактовка совпадает с мнением современного исследователя из Германии Йоахима Херрманна: «Из Средней Азии дошла до Норвегии, при этом еще до начала IX в., игра "в мельницу". С IX в. она была в ходу в Гокстаде, Ладого, Новгороде и других местах» [16]. К сожалению, сам камень до настоящего момента не сохранился, что вызывает путаницу с его территориальной принадлежностью. Й. Херрман обозначил памятник как камень из Старой Рязани [16, с. 119 (ил. 49)], а в сводку историко-культурных валунов А.В. Курбатова [3] он не попал вовсе.

Рис. 2. Каменная плита с изображением. Бежецкий уезд, Тверская губерния (в настоящее время не сохранилась). Публикация по А.А. Спицыну [9, рис. 381].

Таким образом, доступность и хорошее знание средневековых древностей центральной России позволили А.А. Спицыну выделить отдельные хронологические этапы в существовании погребальных памятников, проследить процесс славянской колонизации данной территории.

Литература

1. Буров В.А. К проблеме этнической принадлежности носителей культуры длинных курганов (псковско-новгородская группа) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.1. Тверь, 1996. С. 6-10.
2. Заметки и выписки о рунических камнях, находившихся в имении Ф.Н. Глинки Бежецкого уезда // Государственный архив Тверской области. Ф. 103. Оп.1. Д. 955.
3. Курбатов А.В. Историко-культурные валуны Тверской области // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.1. Тверь, 1996. С. 91-104.
4. Никольская Т.Н. Хронологическая классификация верхневолжских курганов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. XXX. М.-Л., 1949. С. 31-41.
5. Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь, 1903. 519 с.
6. Скукина Е.В. Погребальные памятники Тверского Поволжья X-XII вв. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 1997. 24 с.
7. Спицын А.А.- сводка сведений о древностях Тверской губернии (из архива Института истории материальной культуры, дело № 193) // Государственный архив Тверской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 292.
8. Спицын А.А. Обзор археологических раскопок на территории Тверской губернии в XIX- нач. XX вв. // Архив Тверского Государственного объединенного музея. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 434.
9. Спицын А.А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки Отделения русской и славянской археологии. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1903. С. 202-234.
10. Спицын А.А. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды 2-го областного Тверского Археологического съезда. Тверь, 1906. С. 1-6.
11. Спицын А.А. Обзор некоторых губерний в археологическом отношении (Тверская губерния) // Записки Русского Археологического общества. М., 1897. С. 278-293.
12. Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 8. С. 301-340.

Жукова Е.Н.
Средневековые погребальные памятники Верхней Волги
в работах А.А. Спицына
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 2. С. 44–51.
doi: 10.17759/langt.2015020207

Zhukova E.N.
Middle age funeral memorials of the Upper
Volga in A.A. Spitsyn's works
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 2, pp. 44–51.
doi: 10.17759/langt.2015020207

13. *Спицын А.А.* Сопки и жальники // Записки Русского Археологического общества. Т. XI. Вып. 1-2. СПб., 1899. С. 142-155.
14. *Спицын А.А.* Удлиненные и длинные русские курганы // Записки Отделения русской и славянской археологии. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1903. С. 196-202.
15. *Степанова Ю.В.* К вопросу о хронологии Избрижского погребального комплекса X - XIII вв. // Краткие сообщения Института Археологии. Вып. 213. М., 2002. С. 80-87.
16. *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 8-128.1899.

Middle age funeral memorials of the Upper Volga in A.A. Spitsyn's works

Zhukova E.N.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tver State University, Tver, Russia,
p000401@mail.ru.

The article gives an analysis of A.A. Spitsyn's view on the question of the selection of the stages of funeral memories and the process of Slavonic colonization on the territory of the Upper Volga.

Key Words: archeological memorials of Tver region, Spitsyn A.A., historiography of archeology.

References

1. *Burov V.A.* K probleme etnicheskoi prinadlezhnosti nositelei kul'tury dlinnykh kurganov (pskovsko-novgorodskaya gruppa) // Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya. Vyp.1. Tver', 1996. pp. 6-10.
2. Zametki i vypiski o runicheskikh kamnyakh, nakhodivshikhsya v imenii F.N.Glinki Bezhetskogo uezda // Gosudarstvennyi arkhiv Tverskoi oblasti. F. 103. Op.1. D. 955.
3. *Kurbatov A.V.* Istoriko-kul'turnye valuny Tverskoi oblasti // Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya. Vyp.1. Tver', 1996. pp. 91-104.
4. *Nikol'skaya T.N.* Khronologicheskaya klassifikatsiya verkhnevolzhskikh kurganov // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury. XXX. Moscow-Leningrad, 1949. pp. 31-41.
5. *Pletnev V.A.* Ob ostatkakh drevnosti i stariny v Tverskoi gubernii: K arkheologicheskoi karte gubernii. Tver', 1903. 519 p.
6. *Skukina E.V.* Pogrebal'nye pamyatniki Tverskogo Povolzh'ya X-XII vv. Avtoref. dis. ... kand.ist.nauk. Moscow, 1997. 24 p.
7. *A.A.Spitsyn* - svodka svedenii o drevnostyakh Tverskoi gubernii (iz arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury, delo № 193) // Gosudarstvennyi arkhiv Tverskoi oblasti. F. R-1. Op. 1. D. 292.
8. *A.Spitsyn.* Obzor arkheologicheskikh raskopok na territorii Tverskoi gubernii v XIX-nach. XX vv. // Arkhiv Tverskogo Gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya. F. R-1. Op. 1. D. 434.
9. *Spitsyn A.A.* Zametka o kamennykh krestakh, preimushchestvenno novgorodskikh // Zapiski Otdeleniya russkoi i slavyanskoi arkheologii. Vol. 5. Vyp. 1. Sankt-Peterburg,

Жукова Е.Н.
Средневековые погребальные памятники Верхней Волги
в работах А.А. Спицына
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 2. С. 44–51.
doi: 10.17759/langt.2015020207

Zhukova E.N.
Middle age funeral memorials of the Upper
Volga in A.A. Spitsyn's works
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 2, pp. 44–51.
doi: 10.17759/langt.2015020207

1903. pp. 202-234.

10. *Spitsyn A.A.* K istorii zaseleniya Verkhnego Povolzh'ya russkimi // Trudy 2-go oblastnogo Tverskogo Arkheologicheskogo s"ezda. Tver', 1906. pp. 1-6.
11. *Spitsyn A.A.* Obozrenie nekotorykh gubernii v arkheologicheskom otnoshenii (Tverskaya guberniya) // Zapiski Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva. Moscow, 1897. pp. 278-293.
12. *Spitsyn A.A.* Rasselenie drevnerusskikh plemen po arkheologicheskim dannym // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1899. № 8. pp. 301-340.
13. *Spitsyn A.A.* Sopki i zhal'niki // Zapiski Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva. Vol. XI. Vyp. 1-2. Sankt-Peterburg, 1899. pp. 142-155.
14. *Spitsyn A.A.* Udlinennye i dlinnye russkie kurgany // Zapiski Otdeleniya russkoi i slavyanskoi arkheologii. Vol. 5. Vyp. 1. Sankt-Peterburg, 1903. pp. 196-202.
15. *Stepanova Yu.V.* K voprosu o khronologii Izbrizhskogo pogrebal'nogo kompleksa X - XIII vv. // Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii. Vyp. 213. Moscow, 2002. pp. 80-87.
16. *Kherrman I.* Slavyane i normanny v rannei istorii Baltiiskogo regiona // Slavyane i skandinavyy. Moscow, 1986. pp. 8-128.

Cultural and Political Trend in China by Analysing its Words of the Year from 2013 to 2014

YUE Yang,

Master candidate of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University,
languages7@hotmail.com

This article reviews the “Words of the Year” in China in 2013 and 2014. It finds that government policy is the driving force behind the official list of newly coined words. Yet popular consciousness and topical events emerge as new words that express the mood of the ordinary people.

Ключевые слова: cultural, discourse, lexicon, political, mass media, newly coined words, tolerance

Для цитаты:

Юэ Ян Культурно-политические тенденции в Китае через анализ «Слов года» 2013-2014 гг. [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Yang.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020208

For citation:

YUE Yang Cultural and Political Trend in China by Analysing its Words of the Year from 2013 to 2014 [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Yang.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy). doi: 10.17759/langt.2015020208

Words of the Year have been attracting more and more attention in recent years, they increasingly serve as important indicators of cultural trends in various public spheres in today's dynamic society. Public feelings, public expectancy and state conditions may be evidenced and examined in these indicators. In China the government plays a prominent role in guiding cultural/political trends and shaping national mentality by strong control of all mass media. The analysis of China's Words of the Year from 2013 to 2014 should exemplify how the cultural/language trends in China are formulated by mixed and sometimes even confronting forces of both its people and its government.

The top three words of the Year 2013 in China determined by official media are as follows: Chinese Dream, guangpan and daobi.

Chinese Dream:

Before Chinese President Xi Jinping came to power in 2013, there was a huge difference between the image of China among its own population and abroad. Chinese themselves regarded China as an undeveloped country with little influence abroad while the international community thought China was already a giant power and perhaps only second to USA.

In November 2012 Xi Jinping, who then was the General Secretary of the Communist Party of China, first coined “Chinese Dream” in a speech at the National Museum of China. Since then, use of the phrase has become widespread in official announcements and has become routine party lexicon as the embodiment of the political ideology of the leadership under Xi Jinping. According to the party's theoretical journal Qiushi, the Chinese Dream is about Chinese prosperity, collective effort, socialism

and national glory . It is quite understandable for people to build easy links between “Chinese Dream” and “American Dream”, though they are said to be different by nature .

The concept of the “Chinese Dream” indicates China is ready and confident in its role as an emerging great global power. And it is ready to arouse broad interest in a multi-polar world order through comparison of the ideologies of world powers, and clarifying the distinction between them.

Guangpan(光盘):

Guangpan is pinyin for Chinese characters. Pinyin indicates the pronunciation and intonation of Chinese characters. It is quite common for Chinese language that the same character can mean quite different things. Guangpan in standard Chinese language means the disk as “guang(光)” is “smooth or/and bright” and “pan(盘)” is “plate” or anything that looks like a plate. But in this context it means to “empty the plate” because “guang” here can also be a verb which means “to empty”. Such usage was common practice in ancient Chinese language but now it had fallen out of favour.

Now we can analyze both from the linguistic and the cultural point of view though they are closely related.

Previously the Chinese authority took “zero tolerance” attitude to such coined words and there is no chance for such words to be honored as “Word of the Year”. The reason for this policy is obvious, newly coined words are heavily culturally loaded with the mood of the people. Any that appeared and were perceived as detrimental to China’s social harmony by the government were suppressed. But, the newly coined “guangpan” just happened to fall into the favor of the government’s advocacy, so it was allowed to flourish.

Firstly it needs to be clarified that in the context of “Word of the Year” “guangpan” originally meant “wrap it up” when eating in a restaurant and there was food left on the plates, then it acquired a broader sense through increasing popularity and now it can also mean to empty the plate when eating at home.

Traditionally thrift was a national virtue in China but in recent decades it has faced great challenges and threats. For example, until very recently in China it was possible to arouse a sense of superiority or nobility if in a restaurant one ordered a lot but only ate a little, and then left much of the food on the plates. On the contrary, if one had asked the waiter to “wrap up” one’s leftovers during this time, it would have been regarded as mean and stingy behaviour. Obviously this was a perverted mentality and a serious violation of traditional Chinese values.

Now the new social trend is to show good manners and high morality which means to ask the waiter to “wrap it up”, and those who still leave a lot of food on the plate can even be judged by the other guests. The acceptance of “wrap it up” indicates a new trend in consumption in China and opinion advocated by the government to restore traditional Chinese values, and tolerance of newly coined words that advance such government policies is but a small price to pay.

Daobi(倒逼):

Daobi is pinyin for a word derived from an economic term which means reversed transmission of the pressure for easing monetary mechanism . “Dao” means “reversed” while “bi” means “force”. In finance it is a fully-fledged term but as a Word of the Year it is totally new lexicon for the Chinese general public.

There is deep political background behind the scene. The rule of China was historically a bureaucratic system. The nation had been in deep crisis of serious corruption which could be highly detrimental to both the nation and the Party itself, long before Xi came to power. Since Xi took office, there is something like a revolution in official circles. The nation has been stormed by an anti-corruption movement which it had never experienced since the birth of the Republic in 1949. In 2013

high officials were imprisoned or investigated, including a former member of the Politburo, the highest leadership in China. There was wide speculation that the nation is expecting even more prominent figures to be targeted, which was verified by following events.

In this case Daobi means that ordinary people can force government officials to make just and unbiased decisions, and also officials of lower ranks can force those of higher ranks to do the same thing. President Xi Jinping and Premier Li Keqiang have mentioned Daobi many times in their speeches, which is really unusual in the whole history of China. Daobi indicates a new political trend in China which wins the hearts of people. By introducing the financial term “Daobi” into political discourse Xi is expected to make a historical breakthrough in the fight against corruption in China.

Top Three Words of the Year 2014 by official media follows the same model which are: Rule of law, Shilian, and Beijing APEC.

Rule of Law:

For decades the Party has been advocating rule of law instead of rule by man but with little effect. Xi's determination and strategy show great achievements and give the people much hope. Rule of Law can be considered to be a continuation of “Chinese Dream” and Daobi which indicates the continuity and consistency in Xi's politics and it's also evidence that the Xi administration has survived all the uncertainties, challenges and threats and is strengthening its power.

Shilian (失联):

Shilian is pinyin for a new shortened Chinese word which means “go missing”. It's quite understandable that the whole world felt so sad about the disappearance of Malaysia Airlines flight MH370. China was especially shocked because the majority of the people on board the aircraft were Chinese. So shilian as the number two word of the year indicates China as a country showing deep concern for events outside its territory that have a direct impact on its people. Yet there is something of the greater significance, as it also indicated that government authorities were showing more tolerance for newly coined words, which can also be interpreted as more tolerance for its people.

Beijing APEC:

As the number three word of the year indicates how the nation is showing more and more interest in international affairs. And it is more and more aware of its increasing influence on the international community.

However, are these “official” top three words of the year really what the people are using in their daily life? The answer may be both “Yes” and “No”. For the state and official media it is obviously yes, but for the ordinary people it is no; there are words much more popular and topical, some of which are:

Tuhao (土豪):

Tuhao is pinyin for a Chinese word which means a local tyrant. But according to the common sense such people as a class disappeared for good since the foundation of the People's Republic of China in 1949. And it is mentioned perhaps only in historical books. Yet it is almost at the same time both surprising and natural to everyone that since 2012 such a word swept the whole territory in China like a long standing storm. In the new context it originally meant nouveau riche who are from a very common background but quickly becomes very rich, yet lack sophisticated manners. Now it also applies to a much larger population, anyone who is not so poor and occasionally shows off wealth can be labeled as Tuhao by people around them as it indicates their pursuit and longing for wealth.

Behind the scene it indicates that the Chinese are now taking a rather loose attitude towards the class issue, which was a very serious matter before the economic reform in China since 1970's. It should be noted that during the Cultural Revolution if you were labeled as Tuhao that for sure meant you would end your life in a prison or a labor camp.

Diaosi (屌丝)

“Diaosi” is pinyin for a coined word which means young men with humble birth, ordinary outlook who lives a poor life without any chance for a better future. It covers a large population as more and more young men are left with little choice under the prevailing economic conditions of high housing price, high living standards, while earning a poor salary with little chance for promotion in their chosen vocation. Diaosi indicates a serious social problem that is affecting large sections of ordinary young people in China who have no way out of their poor situation

Chinese Dama

Chinese Dama is a new term in China that has won international fame, it refers to a group of middle-aged Chinese women who rushed to purchase gold as an investment in the 2013 when the gold price plunged greatly, especially in April and October. Due to the unpredictability in the global gold market, the Chinese Dama's blind investments in gold may risk a lot in a market that is constantly rising and falling. The Wall Street Journal quoted Dama directly and made it a new term for this specific group of people, who “panic purchase” things, and it may also refer to the “rush to purchase” phenomenon. And Dama also got their fame by bringing square dancing every corner in this world and even in places like the Red Square in Moscow and Louvre Museum. Behind the scene it shows the increasing confidence of Dama as previously they belonged to the very modest and very shy type of people. Yet they still lack of some basic elements. Still, Dama is yet another example of a newly coined word of the people creeping into the Chinese lexicon.

So, we can see that the trend from the Words of the Year in 2013 and 2014 in China shows the government is taking an upper hand in shaping public opinion by strong control of mass media. The tendency is strengthening as politics takes priority with the government advocating a positive image among the ordinary people. The rise of newly coined words by the people are selectively promoted by the government when they match the government policy, yet the voice of the ordinary people still finds its way into the new lexicon.

References:

1. Australian Transport Safety Bureau (2015) About the search. Retrieved from <https://www.atsb.gov.au/mh370-pages/the-search/about-the-search.aspx>
2. Baidu.com (2014) Asia-Pacific Economic Cooperation. Retrieved from http://baike.baidu.com/link?url=UKyEtCQDivYE_YQjIGCrHSEN7hIpAp71PHI_LPRp26N49saii2DgVvIXTJ4cKp_cUfjdCFVec2eHUVqnBDtWq9_FpX97IDvR8jGYCWMerfZvhZHXRfWNsuyq9vgXQR6p
3. Baidu.com (2015a) Forced mechanism. Retrieved from <http://baike.baidu.com/view/690938.htm?fr=iciba>
4. Baidu.com (2015b) The rule of law. Retrieved from <http://baike.baidu.com/subview/50940/50940.htm>
5. Hujiang Chinese (2015) History of Hanyu Pinyin. Retrieved from

Юэ Ян

Культурно-политические тенденции в Китае через анализ «Слов года» 2013-2014 гг.

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 2. С. 52-57.

doi: 10.17759/langt.2015020208

YUE Yang

Cultural and Political Trend in China by Analysing its Words of the Year from 2013 to 2014

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 2, pp. 52-57.

doi: 10.17759/langt.2015020208

<http://cn.hujiang.com/new/p537549/page2/>

6. People.cn (2013) 2013 Top Ten buzzwords. Retrieved from <http://culture.people.com.cn/n/2013/1219/c87423-23882296.html>

7. People.cn (2014) 2014 top ten buzzwords. Retrieved from <http://society.people.com.cn/n/2014/1219/c1008-26240399.html>

8. Qiushi (2014) Inclusive Development: A Better World for All. Retrieved from http://english.qstheory.cn/2014-06/23/c_1111265607.htm

9. Sina.com (2013) Experts interpret Chinese dream is different from the American dream by seven characteristics. Retrieved from <http://news.sina.com.cn/c/2013-05-27/121627236264.shtml>

10. Xinhuanet.com (2012) Xi pledges "great renewal of Chinese nation". Retrieved from http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-11/29/c_132008231.htm

Культурно-политические тенденции в Китае через анализ «Слов года» 2013-2014 гг.

Юэ Ян,

Магистрант, ФГБОУ ВО МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
languages7@hotmail.com

Статья рассматривает «Слова года» в Китае за 2013-2014 года. Поясняется, что правительственная политика направлена на формирование официального списка неологизмов. Кроме того, общественное сознание и ключевые события находят отражение в новых словах, выражающих настроение обычного населения.

Ключевые слова: Культура, дискурс, лексический состав, политика, СМИ, неологизмы, толерантность.

Литература:

1. Australian Transport Safety Bureau (2015) About the search. Retrieved from <https://www.atsb.gov.au/mh370-pages/the-search/about-the-search.aspx>
2. Baidu.com (2014) Asia-Pacific Economic Cooperation. Retrieved from http://baike.baidu.com/link?url=UKyEtCQDivYE_YQjIGCrHSEN7hIpAp71PHI_LPRp26N49saii2DgVvIXTJ4cKp_cUfjdCFVec2eHUVqnBDtWq9_FpX97IDvR8jGYCWMerfZvhZHXRfWNsuyq9vgXQR6p
3. Baidu.com (2015a) Forced mechanism. Retrieved from <http://baike.baidu.com/view/690938.htm?fr=iciba>
4. Baidu.com (2015b) The rule of law. Retrieved from <http://baike.baidu.com/subview/50940/50940.htm>
5. Hujiang Chinese (2015) History of Hanyu Pinyin. Retrieved from <http://cn.hujiang.com/new/p537549/page2/>
6. People.cn (2013) 2013 Top Ten buzzwords. Retrieved from <http://culture.people.com.cn/n/2013/1219/c87423-23882296.html>
7. People.cn (2014) 2014 top ten buzzwords. Retrieved from <http://society.people.com.cn/n/2014/1219/c1008-26240399.html>
8. Qiushi (2014) Inclusive Development: A Better World for All. Retrieved from http://english.qstheory.cn/2014-06/23/c_1111265607.htm
9. Sina.com (2013) Experts interpret Chinese dream is different from the American dream by seven characteristics. Retrieved from <http://news.sina.com.cn/c/2013-05-27/121627236264.shtml>
10. Xinhuanet.com (2012) Xi pledges "great renewal of Chinese nation". Retrieved from http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-11/29/c_132008231.htm

Дорогу осилит идущий: Первый Всеармейский фестиваль инновационных научных идей «Старт в науку» на базе Пансиона воспитанниц МО РФ

Алиева Э.Н.

Доктор филологических наук, профессор, кафедра «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, lingvamiiep@mail.ru

Дергачева И.В.

Доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, krugh@yandex.ru

В статье описан опыт, полученный профессорами факультета «Иностранные языки» при работе в жюри на Первом Всеармейском фестивале инновационных научных идей «Старт в науку» с одаренными обучающимися президентских кадетских, суворовских военных, Нахимовского военно-морского, Московского военно-музыкального училищ и кадетских (морских кадетских) корпусов Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: инновационные научные идеи, поддержка талантливых учащихся, патриотизм, духовная культура.

Для цитаты:

Алиева Э.Н., Дергачева И.В. Дорогу осилит идущий: Первый Всеармейский фестиваль инновационных научных идей «Старт в науку» на базе Пансиона воспитанниц МО РФ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Alieva_Dergacheva.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020209

For citation:

Alieva E.N., Dergacheva I.V. A journey of a thousand miles starts with a single step: the first Army festival of innovative scientific ideas "Starting the science" in Moscow cadet's school a Boarding school of Ministry of Defense of Russian Federation [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2015, vol. 2, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Alieva_Dergacheva.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020209

«Дорогу осилит идущий» – формула, отражающая смысл любого творческого начинания в совокупности с трудом, терпением и знанием, плоды которого будут вознаграждены. А как понимает это гениальное изречение современная молодежь? Осознает ли она, что для достижения результата необходимо большое желание, усидчивость, умение довести начатое

Алиева Э.Н., Дергачева И.В.

Дорогу осилит идущий: Первый Всеармейский фестиваль инновационных научных идей «Старт в науку» на базе Пансиона воспитанниц МО РФ

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 2. С. 58–63.

doi: 10.17759/langt.2015020209

Alieva E.N., Dergacheva I.V.

A journey of a thousand miles starts with a single step: the first Army festival of innovative scientific ideas "Starting the science" in Moscow cadet's school a Boarding school of Ministry of Defense of Russian Federation

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 2, pp. 58–63.

doi: 10.17759/langt.2015020209

до конца и преодолеть все трудности обучения? Сложный вопрос, однако это то, что блестяще продемонстрировали на Первом Всеармейском фестивале инновационных научных идей «Старт в науку» одаренные обучающиеся президентских кадетских, суворовских военных, Нахимовского военно-морского, Московского военно-музыкального училищ и кадетских (морских кадетских) корпусов Министерства обороны Российской Федерации.

18 мая 2015 года на базе Пансиона воспитанниц МО РФ состоялось грандиозное событие, целью которого являлась поддержка талантливых кадетов, суворовцев, нахимовцев; развитие их научно-технического творчества; активизация научно-исследовательской и поисковой работы по различным гуманитарным и естественнонаучным направлениям; воспитание патриотизма и духовной культуры; актуализация для подрастающего поколения значимых событий в жизни страны. (Рис. 1, Рис.2)

Рис.1

Алиева Э.Н., Дергачева И.В.

Дорогу осилит идущий: Первый Всеармейский фестиваль инновационных научных идей «Старт в науку» на базе Пансиона воспитанниц МО РФ

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 2. С. 58–63.

doi: 10.17759/langt.2015020209

Alieva E.N., Dergacheva I.V.

A journey of a thousand miles starts with a single step: the first Army festival of innovative scientific ideas "Starting the science" in Moscow cadet's school a Boarding school of Ministry of Defense of Russian Federation

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 2, pp. 58–63.

doi: 10.17759/langt.2015020209

Рис.2

Не случайно на торжественном открытии фестиваля воспитанницами Пансиона в хоральном исполнении была представлена на латинском языке известная студенческая песня «Gaudeamus igitur» (Возрадуемся), восхваляющая жизнь, молодость и науку.

Фестиваль работал по четырем направлениям – симпозиумам: «Естественные науки и познание мира», «Математика и информационные технологии», «Социально-гуманитарные экономические науки» и «Филология, лингвистика, литературоведение и МХК».

Одним из достоинств симпозиума «Филология, лингвистика, литературоведение и МХК» была его междисциплинарность. Тематика докладов охватывала практически все интересы филолога: лингвистика, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода, литературоведение, мировая художественная культура. Работа нашего симпозиума отличалась не только разносторонностью научных интересов, но и обширной географией авторов исследовательских проектов.

Членами экспертного жюри симпозиума «Филология, лингвистика, литературоведение и МХК» стали: доктор педагогических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации МГУ имени М.В. Ломоносова, генеральный директор научно-исследовательского центра «Еврошкола» Сафонова Виктория Викторовна (председатель), доктор филологических наук, профессор, декан факультета "Иностранные языки" Московского городского психолого-педагогического университета Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доктор филологии Университета Франш-Конте (Франция), профессор, заведующий кафедрой романской филологии факультета «Романо-германские языки Института лингвистики и межкультурной коммуникации» Московского государственного областного университета Скуратов Игорь Владимирович, доктор филологических наук, доцент, начальник кафедры языкознания и литературы Военного университета Егоршина Нина

Алиева Э.Н., Дергачева И.В.

Дорогу осилит идущий: Первый Всеармейский фестиваль инновационных научных идей «Старт в науку» на базе Пансиона воспитанниц МО РФ

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 2. С. 58–63.

doi: 10.17759/langt.2015020209

Alieva E.N., Dergacheva I.V.

A journey of a thousand miles starts with a single step: the first Army festival of innovative scientific ideas "Starting the science" in Moscow cadet's school a Boarding school of Ministry of Defense of Russian Federation

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 2, pp. 58–63.

doi: 10.17759/langt.2015020209

Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и межкультурные коммуникации" факультета "Иностранные языки" Московского городского психолого-педагогического университета Алиева Эльвира Низамиевна, профессор кафедры риторики и культуры речи филологического факультета Московского педагогического государственного университета, доктор педагогических наук Щербинина Юлия Владимировна.

По итогам работы симпозиума «Филология, лингвистика, литературоведение и МХК» (Рис.3, Рис.4) победителем признан кадет Оренбургского президентского кадетского училища Городилов Семен с работой по теме: «Английские и немецкие фразеологизмы с компонентом «красный» и «синий» как фрагмент лингвоцветовой картины мира». Лауреатами по итогам работы симпозиума стали: кадет Тюменского президентского кадетского училища Першин Лев (работа «Образ кадета в русской литературе. Сравнительный анализ рассказа Н. Лескова «Кадетский монастырь» и повести А. Куприна «На переломе. Кадеты») и кадет Ставропольского президентского кадетского училища Савченко Даниил (работа «Опыт перевода стихотворения И.В. Гете «Ночная песня странника»). Еще три работы были высоко оценены в номинации «За точность литературоведческого мышления», «За сущностное понимание слова писателя» и «За великолепное выступление и культуру речи»

Рис. 3

Алиева Э.Н., Дергачева И.В.

Дорогу осилит идущий: Первый Всеармейский фестиваль инновационных научных идей «Старт в науку» на базе Пансиона воспитанниц МО РФ

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 2. С. 58–63.

doi: 10.17759/langt.2015020209

Alieva E.N., Dergacheva I.V.

A journey of a thousand miles starts with a single step: the first Army festival of innovative scientific ideas “Starting the science” in Moscow cadet’s school a Boarding school of Ministry of Defense of Russian Federation

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 2, pp. 58–63.

doi: 10.17759/langt.2015020209

Рис. 4

Одним из существенных показателей для конкурсантов являлась возможность представить результаты своей исследовательской работы на симпозиуме; уметь быстро отвечать на вопросы; адекватно реагировать на замечания; отстаивать свою точку зрения; правильно формулировать свои предложения в ходе обсуждения. При этом ребята получили возможность освоения опыта публичной защиты результатов своей учебно-исследовательской работы, что, безусловно, пригодится для дальнейшей деятельности (при поступлении в вуз, защите диплома, диссертации и прочее).

Фестиваль, связанный с развитием интеллектуального потенциала военной молодежи России, показал, что значительно возрос интерес обучающихся довузовских образовательных учреждений МО РФ к творческой и учебно-исследовательской работе.

Эта встреча, собрав ведущих специалистов российских вузов, докторов наук, ученых, деятелей культуры и искусства, представителей органов государственной власти РФ, привлекла их к работе с одаренной молодежью.

Значение фестиваля, ставшего событием в научно-исследовательской и воспитательной деятельности, трудно переоценить. Организаторы планируют сделать его ежегодным.

Алиева Э.Н., Дергачева И.В.
Дорогу осилит идущий: Первый Всеармейский фестиваль
инновационных научных идей «Старт в науку» на базе
Пансиона воспитанниц МО РФ

Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 2. С. 58–63.
doi: 10.17759/langt.2015020209

Alieva E.N., Dergacheva I.V.
A journey of a thousand miles starts with a
single step: the first Army festival of
innovative scientific ideas “Starting the
science” in Moscow cadet’s school a
Boarding school of Ministry of Defense of
Russian Federation
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 2, pp. 58–63.
doi: 10.17759/langt.2015020209

A journey of a thousand miles starts with a single step: the first Army festival of innovative scientific ideas “Starting the science” in Moscow cadet’s school a Boarding school of Ministry of Defense of Russian Federation.

Alieva E.N.,

*Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural
Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of
Psychology and Education, lingvamiep@mail.ru*

Dergacheva I.V.,

*Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural
Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of
Psychology and Education, krugh@yandex.ru*

The article describes the experience the professors of Foreign languages faculty got during the work in jury of the First Army festival of innovative ideas “Starting the science” with talented students of president cadet Suvorov military, Nakhimov naval, Moscow musical (military) schools of Russian Federation Military of Defense.

Keywords: innovative scientific idea, support of talented student, patriotism, spiritual culture.

На рубеже воинской славы

Дергачева И.В.

Доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, *krugh@yandex.ru*

Никанорова О.Н.

Москва, Россия, *olga_nikanorova@mail.ru*

Силина Л.А.

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, *l-silina@mail.ru*

В статье описан автопробег по местам боев 21-й и 18-й артиллерийских бригад, входивших в состав 16-й Армии Западного Фронта, которые участвовали в Жиздринской наступательной операции с 22 февраля по 20 апреля 1943 года. В автопробеге приняли участие ветераны 35-й ракетной дивизии и представители факультета иностранных языков.

Ключевые слова: воинская слава, ветераны, Великая Отечественная война, патриотизм.

Для цитаты:

Дергачева И.В., Никанорова О.Н., Силина Л.А. На рубеже воинской славы [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Dergacheva_Nikanorova_Silina.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020210

For citation:

Dergacheva I.V., Nikanorova O.N., Silina L.A. On the frontier of the military glory [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Dergacheva_Nikanorova_Silina.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020210

...Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, не было безымянных героев. Были люди, у каждого свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут близки всегда,

близки вам как друзья, как родные, как вы сами!

...Пали целые поколения героев. Полюбите хотя бы одного из них, как сыновья и дочери. Гордитесь им, как великим человеком, который жил будущим. Каждый, кто был верен будущему и умер за то, чтобы оно было прекрасно, подобен изваянию, высеченному из камня...

Юлиус Фучик «Репортаж с петлей на шее»

Слова чехословацкого героя-антифашиста, погибшего в застенках немецкого концлагеря в 1943 году, стали призывом ко многим равнодушным людям, живущим в мирное время, отвоёванное ценой многомиллионных человеческих жертв. Эти слова могут служить девизом автопробега по местам боев 21-й и 18-й артиллерийских бригад, входивших в состав 16-й Армии Западного Фронта, которые участвовали в Жиздринской наступательной операции с 22 февраля по 20 апреля 1943 года.

Во время Великой Отечественной войны в здании, где сейчас располагается факультет иностранных языков МГППУ, проходило формирование 21-й легко-артиллерийской бригады. Отсюда бригада начала свой боевой путь. Боевое крещение воинов состоялось в ожесточенных боях в районе города Жиздра Калужской области.

По инициативе Совета Московской региональной организации ветеранов 35-й ракетной дивизии 4-го июля этого года от здания факультета иностранных языков МГППУ в Рублево стартовал двухдневный автопробег по местам боев 21-й и 18-й артиллерийских бригад, участвовавших в наступательной операции 16-й Армии Западного Фронта в 1943 году. В автопробеге приняли участие ветераны 35-й ракетной дивизии и представители факультета иностранных языков.

Миронов Павел Евгеньевич, один из инициаторов проведения автопробега, рассказывает:

«...Идея посещения мест первых боёв 21 легко-артиллерийской бригады была всегда, но она была не явной, не выраженной, она носилась в воздух, превратившись потом в осмысленное решение и материализовавшись в километры, килобайты, часы, минуты, вздохи, слезинки, улыбки, тепло рукопожатий ...

К 70-летию образования 35-й Краснознамённой орденов Кутузова и Александра Невского ракетной дивизии, в которой я проходил службу с 1984 по 1992 год, Совет ветеранов дивизии начал готовить к изданию книгу об истории нашего прославленного соединения. Мне было поручено написать главу о боевом пути дивизии в годы Великой Отечественной войны. Для этого была проведена работа в Центральном архиве Министерства обороны: изучены и скопированы некоторые боевые и отчётные документы 21-й легко-артиллерийской бригады за период с 1942 по 1945 годы. При подготовке второго издания, ещё раз внимательно изучив полученные в Центральном архиве и найденные в других источниках документы и материалы, я решил, что в главу о боевом пути в годы Великой Отечественной войны необходимо включить копии фотографий, карт или схем с мест первых боёв севернее г. Жиздры. Был проведен поиск материалов в Интернете и в других источниках информации (нечасто сейчас используемых книгах).

Вот тут-то и выяснилось, что в феврале-апреле 1943 года севернее Жиздры, проводилась наступательная операция 16-й Армии (И.Х. Баграмян), операция проходила тяжело, с большими потерями, поставленные задачи были выполнены не полностью, Командующий 16-й Армией был поощрён, Армия стала гвардейской, а Командующий Западным Фронтом, генерал Конев И.С., был снят с должности. Воины Красной Армии, в частности, наши

однопольчане, показали себя с самой лучшей стороны, воевали мастерски, смело, мужественно, проявляли настоящий героизм, повторив подвиги героев-артиллеристов под Сталинградом и подвиги многих известных и неизвестных бойцов и командиров. Проходя военную службу в 35-й ракетной дивизии, мы почти ничего не знали об этой трудной, но славной странице нашей боевой истории.

В ходе исторических изысканий было выяснено, что вместе с 21-й легко-артиллерийской бригадой в п. Рублево формировалась и 18-я гаубичная артиллерийская бригада, преобразованная впоследствии в 479-й Померанский орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого ракетный полк (первый полк 35-й ракетной дивизии), в котором я проходил службу с 1990 по 1992 год, и обе эти бригады входили в состав 6-й артиллерийской дивизии РГК, и воевали бок о бок, поддерживая друг друга...

После того, как на просторах Интернета были обнаружены «Записки рядового поисковика» Туманова Валерия Юрьевича о поисковой работе в местах боёв севернее Жиздры, и рассказы о боях артиллеристов 703-го легко-артиллерийского полка с немецкими танками (703-й легко-артиллерийский полк входил в состав 21-й легко-артиллерийской бригады), идея созрела!

Дальше были сделаны предварительные расчёты, замысел был доложен Председателю Совета ветеранов 35-й ракетной дивизии Матвееву Сергею Сергеевичу, на заседании Совета ветеранов все согласились, а дальше - дело техники».

В подготовке маршрута автопробега активное участие принимал Валерий Юрьевич Туманов, начальник штаба поискового отряда «Родник», проводящего поисковые работы в Жиздринском районе Калужской области. Он обратил наше внимание на то, что в боях за освобождение района от немецко-фашистской оккупации во время Великой Отечественной войны погибло более 25 000 человек. Полевые поисковые отряды работают на местах боев, разыскивая не захороненных бойцов, отдавших жизнь за мир на нашей земле. Валерий Юрьевич рассказал много интересного из истории освободительной операции, проходившей на местных высотах. Он также поведал нам, в чем состоит труд поисковиков и какое значение он имеет для воспитания молодежи.

«...Занимаюсь поисковой работой более 20 лет. Ищу советских солдат Великой Отечественной войны, (немцами не занимаюсь принципиально; мы их не звали). Успехи мои в поисковой работе достаточно скромные. Лично нашел не многих: больше взвода, но меньше роты. Есть поисковики нашедшие батальон.

Сменил трех командиров и три отряда. Сначала был клуб "Полоса", которым командовал Николаев Павел -старейший поисковик района, мой учитель по поисковой работе. Затем отряд "Жиздринские родники", которым командовал Ларин Владимир Николаевич. Я был у него в отряде начальником штаба. И наконец, отряд "Родник", который возглавляет Егоренков Сергей Николаевич. Я у него тоже начальник штаба.

Все время под нашим руководством к поисковой работе приобщались подростки. Строгая дисциплина, взаимопонимание на полу слове, формировали поисковое братство. Многие из юных участников поиска могут сказать : "Я нашел своего солдата". Конечно, мы ищем солдат , чтобы перезахоронить с почестями на мемориалах, конечно важно восстановить имя, найти родных - это почти верх поисковой работы, но есть еще очень важное дело: мы работаем с детьми потому, что мы ищем их сердца, воспитываем в них дух патриотизма, любви к Родине. Нашедшие своего солдата дети резко взрослеют, это уже наши дети ,слово Родина для них имеет уже смысл. Конечно, с детьми труднее искать, и результат поиска уменьшается, но

повторюсь: мы ищем погибших солдат и обретаем детские сердца, юношескую преданность своему родному краю.

Попутно возникла идея создать музей в школе. Экспонаты набрались постепенно. Особую ценность представляет живая переписка с родными и фотографии бойцов. Фонд растет постоянно. В нашем музее детям можно трогать экспонаты, брать в руки оружие (им это нравится) и фотографироваться.

Сегодня у нас есть прошедший паспортизацию, единственный в стране, школьный Музей «Крестьянской Горы».

Сопровождая участников автопробега, Валерий Юрьевич рассказывал не только о том, как работают поисковые отряды, он поведал истории отдельных бойцов, показал памятные захоронения, обелиски, могилы солдат. Многочисленные захоронения неизвестных солдат в братских могилах – это не проходящая боль. Каждый боец должен быть похоронен с почестями. Каждый должен быть известен.

В первый день автопробега по местам боевой славы участники посетили мемориальные захоронения воинов Великой Отечественной войны, погибших в боях за освобождение Родины. Ветераны 35-й бригады возложили памятные венки на братские могилы.

География автопробега: Калужская область, Думиничский и Жиздринский районы

1. Мемориал в д. Высокое (Рис.1)

Рис. 1

- 2.Братская могила в д. Зимницы
- 3.Братская могила в д. Котовичи
- 4.Мемориал в д. Букань
- 5.Братская могила в д. Андреево-Палики
- 6.Памятник Крестьянская гора
- 7.Ослинский мемориал
- 8.Школьный музей Крестьянской горы в д. Акимовка

Во второй день автопробега все участники посетили историко-краеведческий музей в городе Жиздра (Рис. 2), где встретились с местными ветеранами.

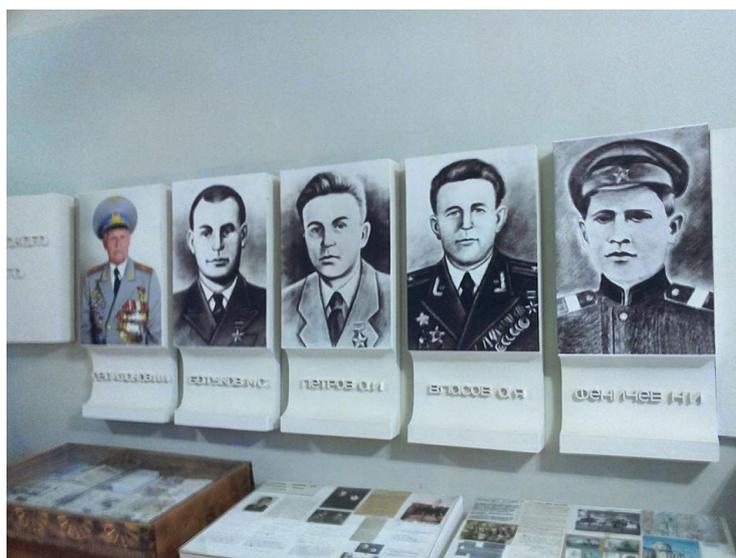

Рис. 2 Галерея Героев Советского Союза в музее города Жиздра

Почетный гражданин района Сергей Викторович Чвоканов (Рис. 3) является живым свидетелем событий военных лет. Из его рассказа мы узнали, что до войны Жиздра была красивым, обустроенным городом, в котором проживало более 13 тысяч жителей. После войны здесь оставалось 1014 человек. Город был сожжен и разрушен до основания. По свидетельствам очевидцев, при отступлении немецкие факельщики сжигали деревянные строения, потом взрывали все, что оставалось. Из 1114 жилых домов целым не осталось ни одного.

Рис. 3 Чвоканов С.В., почетный гражданин Жиздринского района, ветеран Великой Отечественной войны

С начала октября 1941 года по август 1943 года Жиздра и близлежащие деревни и села находились под оккупацией немецко-фашистских захватчиков. «Это были самые мрачные времена. Появились виселицы, на которых вешали тех, кто не пожелал мириться с «новым порядком». Молодежь отправляли на каторжные работы в Германию, детей и пожилых людей содержали в концлагерях. Только небольшой части жителей района удалось спрятаться в лесах. Во всем Жиздринском районе до войны насчитывалось более 47 тысяч жителей. После освобождения города и района возвратилось только 3023 человека. О масштабах разрушений говорят цифры: на территории района из имевшихся 9415 домов на день освобождения осталось 328 различных построек.

Начало 1943 года ознаменовалось массовым изгнанием врага с территории Советского Союза. Войска Красной Армии прочно овладели инициативой в войне и не выпускали ее из своих рук вплоть до победного завершения.

Город Жиздра и Жиздринский район были освобождены. Прошло не одно десятилетие. Жители города и района берегут память о тех трагических событиях далеких лет и чтут героизм своих земляков и воинов, участвовавших в боях и освободивших их край ценой собственной жизни.

Председатель Президиума Совета ветеранов Жиздринского района Екатерина Ивановна Астахова рассказала о работе по воспитанию молодежи в духе любви к Родине. «Берегите Россию!» Таков призыв ветеранов к новому поколению. Под этим девизом здесь проводят конференции, встречи, конкурсы, концерты, в которых участвуют молодые жители района. Школьники создают музеи, посвященные героической истории края. Организовано проводятся смотры школьных музеев.

Каждый год 22 июня в 4 часа утра Мемориал Крестыанской горы становится местом проведения молодежной манифестации Свеча памяти.

Память о прошлом, знание истории – это основа сохранения независимости и целостности страны, государства, национальной идентичности. Поэтому мы чтим

героическое прошлое нашей Родины и бережем память о людях, которые участвовали в Великой Отечественной войне и отдали жизни за свободу нашей Родины.

Инициативная группа от факультета иностранных языков во главе с деканом Ириной Владимировной Дергачевой (Рис. 4), принимая участие в памятном мероприятии, приобрела неоценимый опыт, который станет основой для создания на факультете мемориальной комнаты, посвященной истории Великой Отечественной войны.

Рис. 4 Участники автопробега

Литература

1. Книга памяти. Город Жиздра и Жиздринский район, 1941 – 1945./Издание Историко-краеведческого музея города Жиздра. 2013/
2. *Проскурин А.И.* Край Жиздринский. Историко-документальный очерк. М., Глобус,1998
3. Краткая история 21-й легко-артиллерийской Краснознаменной ордена Александра Невского бригады 6-й артиллерийской Мозырской ордена Ленина Краснознаменной дивизии.
4. Жиздринский район Калужской области. Официальный сайт <http://adm-zhizdra.ru/>
5. Сайт города Жиздры <http://www.zhizdra.ru/>
6. Официальный сайт городского поселения «Город Жиздра» <http://gorod-zhizdra.ru/>
7. Фильмы школьной студии Школы №1 г.Жиздра
<http://www.youtube.com/watch?v=4VeAMMsk3gM>
<http://www.youtube.com/watch?v=qeir3EN9d0E>

On the frontier of the military glory

Dergacheva I.V.,

Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of Psychology and Education, krugh@yandex.ru

Nikanorova O.N.,

Moscow, Russia, *olga_nikanorova@mail.ru*

Silina L.A.,

Candidate of Philological Sciences, Docent, Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, *l-silina@mail.ru*

The article describes the moto rally along the places of battles of 21st and 18th brigades (16th West Front army), which were participating in Zhizdra offensive operation from 22nd of February to 20th of April 1943. The veterans of e5th Rocket division and representatives of Foreign languages faculty took part in this moto rally.

Keywords: military glory, veterans, World War II, patriotism.

References

1. Книга пам'яті. Gorod Zhizdra i Zhizdrinskij rajon, 1941 – 1945./Izdanie Istoriko-kraevedcheskogo muzeja goroda Zhizdra. 2013/
2. Proskurin A.I. Kraj Zhizdrinskij. Istoriko-dokumental'nyj ocherk. M., Globus,1998
3. Kratkaja istorija 21-j legko-artillerijskoj Krasnoznamennoj ordena Aleksandra Nevskogo brigady 6-j artillerijskoj Mozyr'skoj ordena Lenina Krasnoznamennoj divizii.
4. Zhizdrinskij rajon Kaluzhskoj oblasti. Oficial'nyj sajt <http://adm-zhizdra.ru/>
5. .Sajt goroda Zhizdry <http://www.zhizdra.ru/>
6. Oficial'nyj sajt gorodskogo poselenija «Gorod Zhizdra» <http://gorod-zhizdra.ru/>
7. Fil'my shkol'noj studii Shkoly №1 g.Zhizdra
<http://www.youtube.com/watch?v=4VeAMMsk3gM>
<http://www.youtube.com/watch?v=qeir3EN9d0E>